

Олег Рой, Арина Ларина,
Наталия Миронина и другие

Последний час декабря

Новогодняя комедия

Олег Рой

**Последний час
декабря (сборник)**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Последний час декабря (сборник) / О. Ю. Рой — «Эксмо»,
2015 — (Новогодняя комедия)

ISBN 978-5-699-91583-5

Не секрет, что именно в новогоднее время волшебным образом меняются судьбы людей: кто-то идет за елкой и встречает свою будущую жену; кому-то приходится разыскивать сбежавшую кошку, а удастся познакомиться со своим суженым; весь год конфликтовавшая семейная пара обретает любовь и гармонию... Верьте в новогоднее чудо – как поступают герои рассказов этого сборника, и ваше личное счастье придет к вам под бой курантов!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91583-5

© Рой О. Ю., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Олег Рой	7
Алиса Лунина	16
Екатерина Неволina	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коллектив авторов

Последний час декабря

© Резепкин О., 2015
© Лунина А., 2015
© Неволина Е., 2015
© Нестерина Е., 2015
© Полянская Н., 2015
© Щеглова И., 2015
© Милованцева А., 2015
© Миронина Н., 2015
© Мавлютова Г., 2015
© Ларина А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Дорогие читатели!

От имени всех авторов этой книги поздравляю вас с наступающим праздником, самым любимым и самым волшебным – с Новым годом! Пусть сбудутся все ваши желания – как сбылись они у героев рассказов, которые мы написали, пусть станет этот сборник приятным новогодним подарком вам и вашим близким, пусть и в наступающем году книги будут вашими верными друзьями!

*С уважением Дед Мороз Олег Рой
и Снегурочки Олеся Лунина, Екатерина Неволина, Елена Нестерина,
Наталия Полянская, Ирина Щеглова, Александра Милованцева,
Наталия Миронина, Галия Мавлютова и Арина Ларина*

Олег Рой

Счастливый финал

(Отрывок из романа «Мужчина в окне напротив»)

...Услышав звук зуммера, Ирина со всех ног кинулась к домофону. Вдруг это вернулся Сергей? Но трубка откликнулась бодрым голосом Аллы: «Скорая дружеская помощь! Специалиста по утешению несчастных вызывали?» И на душе, несмотря ни на что, стало теплее.

Она распахнула дверь и ахнула. Аллу было почти не видно за пушистой елкой – настоящей, живой, да не обычной, «лысенькой», а дорожкой импортной толстолапкой, больше похожей на сосну, чем на елку.

– Держи, подруга, это тебе вместо цветов. – Алла сунула елку в руки Ирине. – Да бери же скорее, а то она тяжеленная, зараза...

– Алка, ты с ума сошла! Они же кучу денег стоят, эти елки!..

– Да ладно, не разорилась, по миру, глядишь, не пойду... Зато всамделишная. Я же знаю, ты каждый год о настоящей елке мечтаешь.

– Аллочка, милая... Спасибо тебе! – Ира была тронута до слез. Глаза у нее повлажнели, и подруга, заметив это, тут же скомандовала:

– Это еще что? А ну прекрати реветь! Было бы из-за чего! Лучше подумай, во что мы ее ставить будем. Крестовина есть? Если нет, придется в ведро какое-нибудь...

– Где-то была подставка такая специальная... – вспомнила Ира. – Кажется, на антресолях...

И полезла в кладовку за стремянкой.

Пока устанавливали и украшали елку, Ирина начала не торопясь, во всех подробностях, пересказывать Алле то, что случилось сегодня ночью. С огромным удивлением она обнаружила, что произошло это все за каких-то пятнадцать часов – именно столько времени назад подруга вселила в ее душу сомнение, из-за которого все и началось...

Следом за елкой настала очередь украшать всю квартиру. Ира расставляла там и сям новогодние свечки и подсвечники в виде снеговиков и заснеженных домиков, вешала на стены венки из искусственных еловых веток, устанавливала на видное место пузатого Санта-Клауса с красным носом и подозрительно скошенными глазами, тянула от карниза к люстре яркие гирлянды и при этом не замолкала ни на минуту. Алла работала на подхвате, поддерживала, подавала, советовала, оценивала, не криво ли висит, и постоянно комментировала ее рассказ и задавала уточняющие вопросы.

– Да, Иренция... – пробормотала она, когда квартира окончательно приобрела новогодний вид, а история пришла к своему завершению. – Даже не знаю, что тебе и сказать... Надо ж тебе было так лохануться! Вроде только дело с мертвой точки сдвинулось, такой шанс судьба подарила... И не один даже, целый букет шансов. И тут – на тебе!..

– И не говори... – Ира снова готова была заплакать. Что бы она ни делала, каждые несколько минут ее взгляд сам собой обращался к окнам квартиры напротив, но там, конечно, было темно.

– Ладно, пойдем покурим, – позвала Алла. И уже на кухне, затягиваясь сигаретой, продолжила: – Значит, так, Ирка. Что бы ни случилось – ни в коем случае нельзя отчаиваться! Помнишь, это у Маяковского, кажется, было: «Найдется выход хоть один из всякого безвыходного положения!» Да, он сейчас сердит на тебя, возможно, считает дурой безалаберной – что ж, ты дала ему для этого все основания. Но раз уж вы так хорошо общались, как ты

рассказываешь, может, еще не все потеряно? Он отдохнет, вернется в благодушном настроении, и тогда ты...

– Да что – я? – Ира сидела за кухонным столом, подперев руками голову и сжимая пальцами виски. – Ну что я теперь-то могу сделать?

– А то и можешь! Он когда вернется из своей Праги?

– Откуда же я знаю?

– Ну, вряд ли он поехал туда меньше чем на неделю, – здраво рассудила Алла. – Значит, несколько дней у тебя в запасе есть...

– Да на что он мне, этот запас? – недоумевала Ирина.

– Ох, Иренция, ты как малое дитя, ей-богу! – вздохнула Алла. – До самых элементарных вещей дотумкать не можешь, всему учить надо! Хорошо, раз ты такая дурочка, слушай умных людей, они подскажут, что надо делать...

– И что же советуют умные люди? – поинтересовалась Ира без особой надежды в голосе.

– А умные люди, простая ты душа, советуют идти в ДЭЗ! Можно было бы и сегодня даже попробовать, да поздно уже, скоро семь... Значит, завтра с утра или сразу после праздников, прямо второго числа, это пятница. Сходи, разыщи техника-смотрителя, пусть тебе откроют решетку. Возьмешь его ключи...

– И что?

– Да то! Он придет – а ключи у тебя. А он без них как без рук, там же у него, ты говоришь, и от квартиры ключи, и от машины. Тоже, я тебе скажу, ума у твоего Сергея палата! Это ж надо догадаться – все на одной связке таскать!

– Да погоди ты, Алк! – Ира несколько оживилась. – Значит, возьму я его ключи... Он придет за ними в ДЭЗ, а там скажут...

– ...а там скажут, что ключи у тебя, – подхватила Алка. – Дошло наконец?

Однако Ирина не разделяла оптимизма подруги:

– А может, он ко мне и не пойдет? Наверняка у него есть еще другие ключи...

– И от квартиры, и от машины? – скептически подняла бровь Алла. – Что ж он тогда сегодня ими не воспользовался? Думаю, от квартиры у него только два комплекта – потерянный за решеткой и тот, который он тетке отдал.

– Какой еще тетке?

– Да той, которую ты в окно видела, помнишь? Которая к нему приходила перед его отъездом. Она, наверное, без него будет с собачкой гулять. А от машины дубликатов, скорее всего, нет. Так что по-любому все дороги у него после Праги ведут к тебе. И тут уж ты не оплошай!

– Ты думаешь? – Ира почувствовала, что к ней вновь возвращается жизнь.

– Уверена на все сто!

– Ой, Аллочка, спасибо тебе, родная! – Ирина кинулась обнимать и целовать подругу.

– Спасибо на хлеб не намажешь, – смеялась та. – Ой, Иренция, и правда, можем что-нибудь? А то я голодная, как сто китайцев. Хочешь, в кафешку сходим?

– Да какая кафешка, у меня в холодильнике еды на месяц! – Ира действительно повеселела. – Сейчас закатим с тобой пир на весь мир. Накрывай стол в большой комнате, доставай бокалы, тарелки праздничные. Помнишь, где они у меня лежат? А я сейчас...

Ее прервал звонок мобильного. Высветившийся на экране номер Ире был не знаком. Она ответила не без волнения. Вдруг это Сергей? Невероятно, конечно, но вдруг?

– Привет! – раздался в трубке голос Сережика с дачи. – С наступающим тебя! Не отрываю? Чего делаешь?

– Да вот ужин готовим с подружкой...

– Скучаете? – оживился Сережик. – Хотите – приеду, внесу разнообразие в ваше женское общество?

«А почему нет-то? – подумалось Ирине. – Все лучше, чем сидеть вдвоем...»

– Ну, давай приезжай! Записывай адрес...

– А подруга у тебя симпатичная? – поинтересовался Сережик.

– Стройная, – ехидно отвечала Ира.

– Тогда ждите, девчонки, сейчас буду! Скажи только, чего с собой прихватить?

– Он? – с любопытством спросила появившаяся в дверях кухни Алла, едва Ира нажала кнопку отбоя. – Сергей?

– Федот – да не тот, – усмехнулась Ирина. – Сергей, но другой. Сережик с дачи, помнишь, я тебе рассказывала... А, да ты же его видела!

– Который к тебе с букетом приезжал? Ну конечно, помню! И что он?

– Сказал – сейчас приедет, торт привезет.

– Да ты что? – Алла кинулась к своей сумочке, вынула оттуда битком набитую косметичку величиной чуть не с футбольный мяч. – Пойду-ка я в ванную схожу...

Как ни удивительно, но скрасить вечер Сережику действительно удалось. Он привез большой торт и по букету цветов для каждой из девушек и был в ударе: шутил, травил анекдоты, рассказывал забавные истории из своей студенческой молодости. Алла хохотала до слез, осторожно, чтобы не смазать тушь, вытирала глаза и кокетливо поглядывала на Сережика. Ира тоже улыбалась, наблюдая за ними и понимая, что эти двое явно понравились друг другу. Алка накладывала Сережику на тарелку салаты, уговаривая попробовать то и это, он подливал ей вино и галантно щелкал зажигалкой, когда она собиралась закурить.

После еды включили музыку и устроили танцы, причем Алла и Сережа вдруг одновременно проявили огромную любовь к медлякам. Невостребованная Ирина сидела на диване и потягивала вино, но при этом совершенно не чувствовала себя забытой или несчастной. Ей приятно было смотреть на счастливые лица друзей.

– Ир, можно тебя на секундочку, – вытащила ее на кухню подруга, когда очередной танец закончился.

Прикрыла дверь и вполголоса спросила:

– Признайся мне, только честно: ты правда не имеешь на него никаких видов?

– Торжественно клянусь! – Ира шутливо подняла руку.

– Тогда ты не обидишься... Ну, если мы сейчас уедем? Ко мне, а то к нему нельзя, у него мама...

– Конечно, не обижусь. Поезжайте.

– Все-таки ты молодец, Ирка! – заявила Алла. – Я бы вот так не смогла... Ни за что бы мужика не уступила, даже подруге, даже если он мне и не очень-то нужен... И знаешь что? У меня такое чувство, что у нас с ним серьезно.

– У меня точно такое же предчувствие, – заверила ее Ира и вдруг рассмеялась.

– Ты чего это?

– Вспомнила, как мы с тобой осенью загадали встретить суженых до Нового года. Помнишь?

Алка нахмурила брови, потом просияла:

– А, точно, было такое!

– Ну, вот видишь – сбылось, хоть и наполовину.

– Не скажи, подруга. – Алла погрозила ей пальцем. – До боя курантов еще больше суток, мало ли что может случиться...

– Что, интересно? – грустно улыбнулась Ира. – Ладно, не буду вас задерживать.

– Только помни: завтра с утра в ДЭЗ!

– Хорошо... Постой, Алк, еще минутку. Я вот все думаю... Ну, допустим, придет он ко мне за ключами – и что с того? Возьмет их – да и уйдет...

– А ты его задержи! – Алле сейчас и море было по колено. – Как в песне поется: «Если он уйдет, это навсегда, значит, просто не дай ему уйти!» Начни про Чехию расспрашивать, попроси, чтобы фотки показал...

– А если не получится?

– Ну раз не получится, просто встань в дверях и скажи: «Не отпущу! Не для того я тебя всю жизнь искала, чтобы так легко отпустить!» – Она с размаху затушила сигарету в пепельнице.

– Смеешься... – вздохнула Ира. – Ладно, беги. Сережик там небось уже истомился в ожидании.

Проводив друзей, Ира осталась одна в опустевшей квартире. Было грустно, но плакать уже не хотелось – она была очень рада за подругу. Ребята уезжали такие счастливые... Может, и правда, и у них все сложится? Вот хорошо бы...

Она улыбнулась и позвонила маме.

– Доченька? Ты как?

– Я хорошо, мама, – бодро заверила Ира. – А ты?

– А я еще лучше! – рассмеялась мама.

– Да ты что? – обрадовалась Ирина. – Ну-ка рассказывай!

– Завтра все узнаешь! – заверила Александра. – Ты ведь заедешь ко мне завтра?

– Обязательно заеду. Должна же отвезти тебе твой подарок.

– И получить свой. Кстати, ты заедешь одна или?..

– Скорее всего, одна, – как можно более спокойно проговорила Ира. – У Сережи срочная работа, он может освободиться только к вечеру.

– Жалко. – Мама как будто верила ей. – Но ты ведь нас познакомишь?

– Конечно, обязательно.

– Я вот только не поняла, когда у вас свадьба...

– Ой, мам, извини, кто-то в дверь звонит. Я тебе еще позвоню, пока!

Мама, конечно, была уверена, что неожиданного визитера дочка в очередной раз придумала, чтобы не отвечать на неприятный вопрос. И зря, потому что звонок в дверь действительно был. И Ира так обрадовалась ему, что даже не стала спрашивать, кто там. Пусть хоть мерзкая соседка снизу. Ирина распахнула дверь...

На пороге стояла не Зинаида Геннадиевна, а Сергей из квартиры напротив собственной персоной. С той же большой сумкой на плече и с цветами в руках.

– Ира, я пришел попросить у вас прощения, – несколько смущенно сказал он. – Утром наговорил вам лишнего... И теперь целый день неловко. Все время думал, что под праздник испортил хорошему человеку настроение. Хотел позвонить, извиниться, но я не знаю вашего телефона... Вот, возьмите, это вам.

– Спасибо, – пролепетала Ира. – А вы... Как ваши дела? Удалось поменять билет?

– Да, я улетаю завтра, в два часа дня. Был сегодня в ДЭЗе – бесполезно, раньше второго числа никто подвал не откроет...

– И где же вы будете сегодня ночевать?

– Только не подумайте, что я пришел к вам из-за того, что мне переночевать негде! – испугался Сергей. – Нет-нет, с этим все устроилось. Поеду к тетке, в Раменки, я уже договорился, такси туда вызвал на утро.

Она молчала, собираясь с духом. Он тоже молчал.

– Ну, я пойду? – проговорил он наконец.

И Ира решилась.

– Сергей, – сказала – точно в холодную воду с разбегу нырнула, – если вы прямо сейчас уйдете, то испортите мне настроение не только под праздник. Вы мне его испортите на весь год, да что там, на всю жизнь, вот!

– Ты хочешь сказать...

– Да, именно это я и хочу сказать! – почти выкрикнула она и сама сделала первый шаг к нему. Он обнял ее и поцеловал, так и не сняв с плеча сумки.

* * *

Было около двух часов ночи. Мужчина из квартиры напротив уже спал рядом с ней на ее широкой кровати, а Ира так и не могла сомкнуть глаз, думая о том, что так неожиданно произошло в ее жизни. Правильно ли она все сделала, не совершила ли ошибки, не поторопилась ли? Вдруг Сергей сочтет ее легкомысленной женщиной, которая без раздумий прыгает в постель к каждому? Ведь они знакомы всего лишь сутки... Вдруг он перестанет после этого уважать ее? Да, он был нежен и внимателен с ней, но ведь это ничего не значит. Скорее всего, он просто из тех мужчин, которые получают свое и тут же забывают о женщине, которая доставила им удовольствие. Завтра утром он улетит в свою Прагу, а когда вернется, то вспомнит ли вообще о ее существовании? Или просто даст понять, что секс – это не повод для знакомства? И что тогда?

«А ничего! – сказала сама себе Ирина. – Что бы ни было дальше – сегодня я счастлива! Пусть даже он никогда не узнает, как я к нему отношусь, он все равно останется в моей памяти. И в окне напротив... Лучше однажды пережить неземное блаженство и лишиться его, чем всю жизнь ждать и так ничего и не дожидаться...»

С этими мыслями она уснула.

Проснувшись Ира от запаха кофе. Сергея уже не было с ней рядом, но по доносящемуся с кухни аромату и звону посуды нетрудно было догадаться, где он находится. Ирина быстро поднялась, накинула халат и босиком побежала к нему.

– Доброе утро! – Он обнял ее и прижал к себе. – Сейчас я буду готовить завтрак...

– Давай лучше я, – заволновалась она. – А ты пока собирайся. Если ты и в третий раз опоздаешь из-за меня на самолет, то я никогда себе этого не прощу.

– А я никуда не лечу.

– То есть... как это? – Она так и застыла посреди кухни.

– Да вот так. Позвонил друзьям и сказал, что не еду. Раздумал. В Праге я уже был и Новый год в этой компании много раз встречал, а с тобой еще ни разу.

Ира не верила своим ушам.

– Ты шутишь?

– Нет, говорю совершенно серьезно, – покачал головой Сергей. – Я бы хотел встретить этот Новый год с тобой. И все последующие тоже. Или у тебя другие планы?

– Нет, – счастливо засмеялась Ирина. – Я бы тоже очень хотела, чтобы все мои планы были связаны только с тобой...

Он снова обнял ее.

– А ты мне расскажешь, куда ты так бежала позавчера, когда чуть не сшибла меня у лифта? – спросил он, когда закончился долгий-долгий поцелуй.

– Расскажу, – пообещала она, машинально бросив взгляд на окна квартиры напротив. – Как-нибудь обязательно. Только не сейчас, а то у тебя кофе убежит!

До чего же приятны самые обычные вещи вроде приготовления завтрака, когда делаешь их вместе с любимым человеком! Сергей жарил на большой сковородке яичницу, Ира помогала ему, резала ветчину, терла сыр и думала о том, что никогда еще в ее жизни не было такого замечательного утра тридцать первого декабря.

– Знаешь, как познакомились мои родители? – начал он, когда они уже сидели за столом. – Тоже под Новый год. Папа дежурил в больнице, он у меня врач-травматолог, тогда только-только институт окончил в своем родном Ярославле. А мама, она москвичка, приехала туда к подружке на каникулы и – надо же было так случиться! – вывихнула ногу прямо тридцать первого декабря. Ее привезли к папе, в травмопункт, они сразу друг другу понравились. Он к ней три недели каждый день ходил, перевязки делал, а как только она встала на ноги, они первым делом отправились в ЗАГС и подали заявление. В марте расписались, а в ноябре родился я... Кстати, в этом году у нас в семье большой праздник – сорокалетие их совместной жизни.

– Какая романтическая история! – восхитилась Ира и даже вилку отложила. – Прямо как те, о которых я рассказываю в «Легендах любви». А где живут твои родители?

– Там же, в Ярославле. А меня бабушка к себе в Москву прописала. Когда бабушка с дедушкой умерли, эта квартира осталась мне... Так что я уже лет пятнадцать в Москве живу. Был когда-то женат, но недолго, всего три месяца. Мы с Мариной быстро поняли, что слишком разные люди, и разбежались.

«И тут Марина!» – усмехнулась про себя Ира, глотнув кофе.

– Так что я уже лет десять один, – продолжал Сергей. – И знаешь что, Ириш? Последнее время постоянно чувствовал, что просто физически устал от одиночества. Почему-то в кино и в книгах, даже если они написаны мужчинами, чувство одиночества и потребность любить, быть нужным, заботиться о ком-то присущи только женщинам. Хотя нет, я не совсем правильно выразился. Мужчины там тоже одиноки, но как-то по-другому. Они словно гордятся этим: мол, вот я какой крутой, одинокий волк, мне никто не нужен. А у меня как-то совсем по-другому... Бывали моменты, когда я всерьез думал поселиться вместе с первой встречной женщиной – лишь бы не приходить домой в темную квартиру, где тебя никто не ждет. Но когда увидел тебя, почти сразу понял, что хочу быть именно с тобой. Я как будто давным-давно тебя знаю, понимаешь? Такое чувство, что мы уже разговаривали с тобой много раз, ты мне рассказывала о своей работе, о маме, о подругах...

– И даже советовалась, когда переобуваться в шипованную резину, – закончила Ира.

Отреагировать на ее странную фразу Сергей не успел – зазвонил его мобильный.

– Алло? Такси? Какое такси? Ах да... Нет, не надо, не подтверждаю... Хотя подождите, девушка! Да, я подтверждаю заказ! Только пришлите машину по другому адресу. Улица Профсоюзная, дом семь. Спасибо, будем ждать, – и отправил в рот последний кусок яичницы.

– Ты все-таки едешь? – Ира старалась не показать своего огорчения.

Он что-то промычал с набитым ртом.

– Что-что?

– Я говорю: не я, а мы!

– Мы? – удивилась она. – А куда мы едем?

– В ЗАГС.

– Что-о-о?

– А ты что, не согласна стать моей женой?

Ира смотрела на него, вытаращив глаза:

– Прямо так сразу?

– Ты не хочешь? – заволновался Сергей.

– Что ты, что ты! Очень хочу, но... Сегодня же тридцать первое декабря, они наверняка не работают.

– Работают, – уверенно заявил мужчина из квартиры напротив. – В госучреждениях сегодня рабочий день. Правда, короткий. Так что иди быстренько собирайся – и поехали жениться.

– Ну уж и жениться, – засмеялась Ира. – В лучшем случае заявление подавать. И то, скорее всего, не примут. А потом еще ждать месяц как минимум.

– Не желаю ждать! – заявил он, торопливо допивая кофе и отставляя чашку. – Сейчас поедом и добьемся того, чтобы нас расписали прямо сегодня. А что ты сидишь, я не понимаю?

* * *

– Ты мне сразу очень понравилась, с первого взгляда, – уверял Сергей по дороге в ЗАГС.

Они сидели на заднем сиденье синего «Опеля», тесно прижавшись друг к другу. Мужчина из квартиры напротив обнимал Иру за плечи и шептал на ухо всякие приятные вещи.

– Прямо как увидел тебя...

– В супермаркете? – уточнила Ирина.

– В каком супермаркете? – не понял он. – Я говорю о встрече во дворе, помнишь? Когда я тебя водой из лужи окатил? Ты стояла такая несчастная, такая милая, такая грязная...

– Да ну тебя!

– Я серьезно! И потом, когда у тебя трубу прорвало... Просто обалдел, когда увидел тебя в этих шортах! Ты в них настолько сексуально выглядишь!.. Обещай, что все время будешь их дома носить, ладно? Но только дома! Не хочу, чтобы другие мужики на мою жену пялились!

– Приехали, – сказал водитель такси, подруливая прямо к подъезду. – Вас подождать?

– Подождите! Мы быстро – поженемся и назад! – пообещал Сергей.

– Ничего у тебя не получится! – смеялась Ира.

– Спорим, что получится? На поцелуй?

Сергей не ошибся – ЗАГС действительно работал. Хотя в коридорах было пусто – тридцать первого декабря людям обычно не приходит в голову записывать акты своего гражданского состояния. Тощая девица в больших очках оторвалась от чтения женского романа в бумажной обложке, недовольно посмотрела на часы, на Сергея с Ириной, потом опять на часы и сунула им в руки две анкеты.

– Заполняйте, только разборчиво. Там, за дверью...

– А без этой бюрократии никак нельзя? – поинтересовался Сережа.

– Нет, – отрезала девица и вернулась к своему чтиву.

Провозившись четверть часа над анкетами, они вновь постучались в ее кабинет. Девица мельком проглядела отданные ей листы и раскрыла журнал.

– На какое число хотите назначить бракосочетание? Есть варианты седьмого февраля и двадцать первого. На четырнадцатое февраля даже не думайте просить, забито под завязку еще с осени.

– А мы и не собираемся расписываться четырнадцатого февраля, – очаровательно улыбнулся Сергей. – У нас теперь каждый день День влюбленных, да, Иришка?

– Так какой вы день выбираете? – Служащая не ответила на его улыбку.

– Тридцать первое декабря.

– Тридцать первое... Чего?

– Вы не ослышались, декабря, – кивнул Сергей. – Мы хотели бы расписаться сегодня. У девицы вытянулось и без того длинное лицо.

– Вы что, шутите? Это невозможно.

– А вы сделайте для нас исключение, – мило попросил Сергей. – Неужели вам самой не приятно сделать людям добро?

– Молодой человек! – строго заявила девица. – Здесь государственное учреждение, а не балаган! Перестаньте паясничать, или назовите день, или закройте дверь с той стороны!

– Так я назвал вам день – сегодня. А вы почему-то рассердились.

Ира молча наблюдала за этой сценой, уверенная, что у Сергея ничего не получится, и только ждала момента, когда можно будет его увести. Но он не собирался сдаваться.

– Молодой человек, я вам последний раз повторяю. – На желтом лице девицы выступили красные пятна. – Правила есть правила! Я для вас их менять не буду!

– А кто будет? Может, ваше начальство?

– И начальство не будет!

– И все-таки давайте сходим к нему и поговорим?

– Хорошо, – процедила сквозь зубы девица, вставая из-за стола. – Идемте к заведующей.

– Ты сумасшедший, – шепнула Ира, когда они оказались в коридоре.

– И это говорит девушка, которая на МКАДе гоняет по встречной полосе? – весело отвечал Сергей.

И заглянул в комнату, где сидела полная немолодая женщина со строгим лицом. Ира сразу отметила, что в кабинете у нее звучит «Маяк». Диджей Маша Карлицкая, та самая, которая не верила Ириным рассказам, весело поздравляла всех слушателей с праздником.

– В чем дело, молодой человек? – недовольно поинтересовалась дама за столом.

– Нас отказываются расписывать!

– На каком основании?

– Зоя Михална, да они с ума сошли совсем! – пожаловалась протиснувшаяся следом за ними в кабинет тощая девица. – Пришли сегодня, в короткий рабочий день, и требуют, чтобы их прямо сразу, незамедлительно, расписали!

– Но нам срочно надо! – объяснил Сергей.

– Эмигрируете? – строго спросила заведующая.

– Нет, просто любим друг друга!

– Тогда понятно. До свидания!

– Но послушайте!..

– Вы, кажется, пьяны, – взвизгнула дама. – Или вы сейчас же уйдете, или я вызову охрану!

Ира посмотрела на нее, на приемник в углу и потянула Сергея за рукав:

– Подожди, у меня, кажется, есть идея...

Они вышли в коридор, где Ирина достала мобильник и набрала номер Машиной помощницы Елизаветы.

– Лиз, привет, это Ира Боброва. Мне срочно нужно с Машей поговорить. Знаю, что эфир, потому и звоню... У нее ж сейчас все равно песня играет, а мне буквально на два слова! Спасибо тебе! – И продолжила после паузы: – Маша, здравствуй! Тут такое дело... Мы с женихом в ЗАГСе, а нас расписывать не хотят... Не могла бы ты сейчас объявить по радио...

– Ира, ты опять врешь? Ну знаешь, это уже переходит всякие границы, – возмутилась Маша, не дав ей договорить.

Еще минута – и она бросила бы трубку. Но тут Сергей, который, судя по его лицу, догадался, что задумала Ира, выхватил у нее телефон со словами «Дай я с ней поговорю!»

– Маша? Очень приятно, а я Сергей, жених Ирины. И скоро буду мужем, если вы нам поможете!

Не прошло и минуты, как они уже снова оказались в кабинете заведующей. Та раскрыла было рот, но тут Ира нежным голоском попросила:

– Сделайте, пожалуйста, радио погромче! Там вам поздравление передают...

Дама перевела взгляд на приемник, где уже заливалась соловьем Маша:

– В этот замечательный день на «Маяке» двойной праздник! Сегодня свадьба у нашей коллеги, ведущей передачи «Легенды любви» Ирины Бобровой! Поздравляем Иру и ее избранника! И также мне хочется сказать самые добрые, самые теплые слова о тех чудесных женщинах, без которых этот праздник не состоялся бы! От всего коллектива нашего канала благодарим сотрудников ЗАГСа и лично заведующую Зою Михайловну Камышко, этих нежных фей, которые точно мановением волшебной палочки соединяют любящие сердца. Зоя Михайловна, если вы сейчас нас слышите, знайте, что этот чудесный вальс Евгения Доги из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь» звучит сейчас только для вас!

Некоторое время вальс звучал в полной тишине. Заведующая недоуменно глядела на приемник, жених с невестой молчали, боясь даже пошевелиться. Когда музыка закончилась, дама вздохнула и перевела взгляд на Иру:

– Надо же, Ирина Боброва... Я ведь ни одной вашей передачи не пропускаю, сижу, слушаю, даже плачу иногда... Только я отчего-то думала, что вы постарше будете...

Вздохнула еще раз, достала откуда-то ключи и полезла в сейф.

– Ладно, так уж и быть... Давайте ваши паспорта. Ишь ты, как сказали-то, «нежные феи»...

Начало и окончание этой истории читайте в романе Олега Роя «Мужчина в окне напротив».

Алиса Лунина

Последний час декабря

Женя Рябикина поежилась от холода – три месяца живет в Петербурге, а к местному климату до сих пор не привыкла; да и как тут привыкнешь, когда в начале декабря идет дождь и все время зябнешь от ветра и сырости.

«А на Урале сейчас морозно, идет снег, и это куда более здоровая зимняя погода, – вздохнула Женя, подумав про свой родной Екатеринбург, – на Урале и в Сибири даже холода переносятся легче, чем эти ужасные «около ноля» в Петербурге с его ветрами и влажностью».

Скрючившись от подувшего с Фонтанки пронизывающего ветра, Женя поняла, что нужно срочно зайти куда-то «в помещение». На Невском она забежала в свой любимый Дом книги – погреться и посмотреть альбомы по искусству.

Когда Женя разглядывала пухлый том Гнедича по истории искусств (облизываясь на него, как на пряник), ей на мобильный позвонила подруга Лера и предложила встретиться, чтобы передать Жене ключи от *«той самой квартиры на Васильевском острове»*. Узнав, что Женя сейчас в Доме книги, Лера предложила увидеться в кафе Дома книги через полчаса.

С Гнедичем под мышкой Женя потопала в кафе, где уселась за столик напротив большого панорамного окна с феерическим видом на Казанский собор. Попивая горячий капучино и наконец-то согреваясь, Женя смотрела на новогоднюю елку у собора. Еще на днях ее не было, а теперь вот стоит себе, сверкает гирляндами, напоминает о том, что уже начало декабря и скоро Новый год. Правда, под дождем елка выглядит как-то неубедительно... Вот если бы пошел снег и началась настоящая зима!

– Какая скотская погода! – сказала Лера, плюхнувшись в кресло рядом с Женей. – Когда уже пойдет снег?!

– Я сама об этом только что думала! – призналась Женя.

– Да весь город об этом думает! Вот какой Новый год без снега?! – Лера раздраженно повела плечиком (пластика у нее была отменная – как-никак Лера преподавала балетные танцы, а в прошлом была призером международных танцевальных фестивалей).

Женя улыбнулась, заметив, что ее красивая подруга сразу привлекла к себе внимание мужчин за соседними столиками. Лера – хрупкая блондинка из числа тех особо отмеченных природой блондинок, которых мужчины, как говорится в старом анекдоте, «чуют спинным мозгом».

Женя с Лерой дружили с первого класса, и это была та самая дружба, что называется не разлей вода. Этой дружбе не стало помехой даже замужество Леры и ее переезд из Екатеринбурга к мужу в Петербург несколько лет назад; и, живя в разных городах, барышни умудрились сохранить отношения – звонили, писали друг другу, то Лера навещала Женю в Екатеринбурге, то Женя приезжала к подруге в Питер. Возможно, кто-то, услышав про женскую дружбу, скажет, что это, извините, враки, женской дружбы не бывает! Дескать, в самом понятии женской дружбы есть нечто иррациональное, потому что женщина не создана для дружбы, не способна на нее, в принципе не ориентирована на другую женщину, но мы на это ответим железным аргументом, что вообще-то в жизни чего только не бывает! И привидения встречаются, и в озере Лох-Несс, говорят, водится какая-то очень странная зверушка, а может статься, и на Марсе есть жизнь! И Женя Рябикина знает многих женщин, которые дружат всю жизнь и становятся в результате все равно что сестрами. Во всяком случае, Женя с Лерой проверили свою дружбу «фунтом лиха», «пудом соли» и многими испытаниями,

последнее из которых случилось три месяца назад, когда Лера буквально вытаскивала Женю из болота хандры и бездны отчаяния.

– Как твои дела? – поинтересовалась Лера, размешивая ложечкой густую молочную пену в своем капучино.

Женя пожалала плечами и как человек вежливый (зачем обременять подругу своими проблемами?! Ей и так от меня досталось!) выдала дежурный ответ:

– Хорошо.

Лера взглянула на Женю с недоверием (да точно ли все хорошо?!), поскольку прекрасно помнила недавние времена, когда Женя не могла позволить себе подобную вежливость и на вопрос о своих делах отвечала только тяжелым вздохом.

– Ну, по крайней мере, неплохо, – добавила Женя, уловив в Лериных глазах сомнение. – Почти научилась жить в состоянии полной турбулентности.

– Женька, я знаю, что тебе нужно! – с очаровательной непосредственностью заявила Лера.

– И что же? – с легкой иронией переспросила Женя (ее неизменно забавляла милая Лерина манера всегда говорить категорично).

Лера достала из сумки ручку, блокнот, из которого тут же выдрала лист и положила его перед Женей на столик.

– Нужно сформулировать свое самое заветное желание, записать его и, разумеется, дать себе установку на то, что оно скоро сбудется!

– Насколько скоро? – усмехнулась Женя.

– Скажем, в новом году! Не веришь? А ты попробуй! Смысл в том, чтобы «запрограммировать» себя на тотальное счастье! Понимаешь, Женька, любое желание дается нам в комплекте с энергией на его исполнение!

– Просто написать желание? И только?

– Главное, правильно его сформулировать. Между прочим, это не так-то просто. А то потом сбудется *не то*, и окажется, что оно тебе на фиг не нужно!

– А можно, как ты говоришь, «запрограммировать» два желания? – поинтересовалась Женя.

Лера подумала и с королевской щедростью разрешила:

– Можно и два!

Женя задумалась – а чего она, в самом деле, хочет *теперь*?! Три месяца назад она хотела полностью изменить свою жизнь, и ее желание исполнилось (может, и впрямь в комплекте к нему давалась энергия на его осуществление?!); тогда в одночасье она поменяла работу, семейное положение, город, судьбу – все! (Ей оставалось разве что сменить пол.)

* * *

В той прошлой жизни Женя жила в Екатеринбурге (вот где сейчас настоящая зима и снег!); увлечение живописью и дизайном, работа и, конечно, муж Игорь (известный, талантливый журналист, красавец, душа любой компании) – были для Жени надежной точкой опоры в нашем хаотичном мире. И вдруг три месяца назад Женя лишилась своей опоры и попала в ту самую зону турбулентности.

Турбулентность – это потеря устойчивости, состояние, в котором рушатся привычные связи, когда оказывается, что нет ничего постоянного, а то, во что ты верил, теряет смысл.

Тогда, не без помощи «добрых людей», Женя узнала, что у ее мужа есть, как говорится в народе, «другая женщина». Этой «другой женщиной» оказалась красивая девушка. Женя так машинально и подумала: красивая девушка! – когда увидела их с Игорем вместе в аэропорту, куда Женя очень некстати приехала, чтобы встретить мужа, возвращающегося

из командировки (причем приехала без предупреждения, а порядочные жены, наверное, так не поступают!).

– И что у тебя с этой красивой девушкой? – спросила у мужа Женя.

– Ничего. – Игорь и бровью не повел, глазом не моргнул. Ответил голосом человека, уверенного в своей непогрешимости. – Мы просто коллеги. Совместный проект.

Опять же не без помощи «добрых людей» Женя узнала, что у Игоря было много коллег и много проектов. Выяснилось, что уже несколько лет он лгал ей; эта ложь нарастала как снежный ком, и теперь этот ком встал у Жени поперек горла.

«Хватит! Пожалуйста, не надо больше лгать!» – сказала она даже не Игорю, а самой себе. Если из отношений ушло главное – любовь, доверие, искренность, какой в них смысл?! Женя поняла, что не хочет больше лжи и компромиссов, и ушла из их с Игорем квартиры, взяв с собой только свои картины. Можно сказать – ушла в никуда. «Дамы и господа, пристегните ремни, наш самолет продолжает полет в зоне турбулентности».

Мама дорогая, как трясет... А зацепиться не за что. Как-то так получилось, что с появлением Игоря в ее жизни все прежние увлечения отошли для Жени на второй план; она забросила творчество (а раньше месяцами пропадала в своей мастерской) и оставила любимую работу. До встречи с Игорем Женя несколько лет работала дизайнером. Ей нравилось наполнять пустое, безликое пространство смыслом, жизнью, душой, придумывать людям дом, где им будет комфортно, надежно, спокойно, дом, в котором можно любить, растить детей, куда захочется возвращаться вечером после работы. Но Игорю ее работа не нравилась, потому что ему не нравилась неупорядоченность Жениной жизни, связанная с этой специфической профессией, – вот Женя сутками работает, составляет проект, приканчивая литры кофе, а на подходе уже другой проект! И в какой-то момент Игорь взорвался и сказал, что нашел ей работу по своему усмотрению. «Администратором в модной галерее современного искусства». Женя было запротестовала: «Но я вовсе не люблю современное искусство!» «Я уже обо всем договорился!» – отрезал Игорь.

Впоследствии Женя жалела, что тогда уступила Игорю и согласилась на этот компромисс. В последнее время она работала в галерее «очень современного искусства» (как Женя сама ее называла) совсем без души, поскольку большинство выставочных объектов, с Жениной точки зрения, не имели никакого отношения к искусству.

Вторым компромиссом, о котором она теперь сожалела, было ее согласие оставить занятия живописью, от которых Женя отказалась опять-таки по настоянию Игоря. Игорь считал, что Женины «художества» – пустая трата времени. «Извини, но великого художника из тебя не получится...» И Женя согласилась с Игорем, смирилась с тем, что, да, великим художником ей не стать, да и пытаться, видимо, не стоит. Уже год ее мастерская стояла закрытой.

И вот все, что составляло смысл Жениной жизни – любовь, любимое дело, любимая работа, – осталось в прошлом.

Обида, боль, отчаяние накрыли девятым валом. Жене казалось, что ее душа разорвана в клочья и для нее уже никогда и ничего невозможно. Она уволилась из галереи «очень современного искусства», переехала жить в свою мастерскую и дни напролет слушала, как за окнами тарабанит осенний дождь. Пустота...

...Однажды вечером в телефонном разговоре Женя поделилась с Лерой своими переживаниями, а та сказала, что отдавать себя на растерзание подступающей депрессии – нерационально. «Женька, знаешь, что главное в танго? Даже если ошибся, главное – не сбиваться с ритма, не останавливаться! И в жизни так же. Продолжай танцевать!»

– Да какой танцевать! – едва не взвыла Женя. – Мне не то что танцевать, мне жить не хочется!

– Вот откуда у тебя такие мрачные мысли? – вздохнула Лера. – Умница, красавица, талантливый художник! Ну расстались вы с Игорем, и правильно. Забыть его, и точка! И вообще, тебе нужно все изменить.

– Что изменить? – удивилась Женя.

Лера предложила не размениваться на детали, а «мыслить глобально» – да все изменить. Жизнь, среду, окружение («меня только не меняй, Женька, где ты еще такую подругу найдешь?»), и главное – быстро. Вот чем быстрее, тем лучше. Круто вывернуть руль и поехать в другую сторону!

– Да куда ехать-то? – печально промямлила Женя.

Лера и тут думала недолго, выпалила:

– Ко мне в Петербург.

– И что я там буду делать? – усмехнулась Женя.

– Жить!

– Ну что ты, вот так взять и все бросить? Я так не могу.

– Понятно, – сказала Лера и через пару часов прислала Жене на электронную почту билет на самолет. До Петербурга.

Растерянная Женя позвонила маме, чтобы посоветоваться с ней, и та неожиданно поддержала Лерину идею: «Поезжай, Женя! Посмотри, попробуй. Конечно, если ты действительно хочешь все изменить!» «Да, я хочу все изменить!» – твердо сказала Женя и уехала в Петербург.

Новый город, новая жизнь, «новое все» – добро пожаловать в открытый космос. А там, между прочим, трясет еще сильнее.

В первый же день в Петербурге Женя решила (раз уж пошла такая песня!) изменить и внешность. Причем радикально. Зайдя в первый попавшийся салон красоты, она попросила остричь ее роскошные темные кудри. Даже стилист слегка напрягся. «Уверены?»

Женя кивнула.

– А что так? – полюбопытствовал мастер. (Женя, кстати, не поняла – мальчик он или девочка? Длинные волосы до плеч, субтильная фигура, свитер, джинсы... М-да...)

– Новая жизнь! – усмехнулась Женя. – Говорят, волосы хранят старую информацию, а от нее надо избавиться.

– Понятно! – пожал плечами бесполой стилист и взялся за работу.

Вскоре процесс Жениного преображения был завершен. Итак, что мы имеем «на выходе»? Женя взглянула в зеркало и осталась довольна. Короткая стрижка каре, челка до глаз удачно подчеркивали своеобразие ее внешности: темные глаза, хрупкую «девичью» фигуру.

– И никакой старой информации! Нарастиваем новую! – подмигнул стилист.

– Спасибо! Талантливо! – улыбнулась Женя. – А как вас зовут?

– Саша! – Мастер расплылся в улыбке, и Женя (так и не поняв – мальчик-девочка?) потопала в новую жизнь.

Кстати, Лера, узнав об этой Жениной аванюре, ужаснулась: «Зашла в первый попавшийся салон? Ты что?! Могли бездарно обкалывать, и пришлось бы жить с такой головой?!» Женя невозмутимо парировала: «Ну и что? Когда в голове полный бардак, не все ли равно, что на ней?»

...Первое время в Петербурге Женя жила у Леры, но скоро, не желая стеснять подругу, занялась поисками съемного жилья и сняла квартиру на пару с одной своей знакомой.

Вопрос с работой у Жени решился практически сразу. Лера предложила ей поработать преподавателем студии изобразительного искусства в детском Доме творчества (сама Лера преподавала там балетные танцы). «Женька, попробуй! С дизайном еще неизвестно, как пой-

дет дело, пока у тебя появятся клиенты, то-се, а тут зарплата пусть маленькая, но стабильная, а потом, знаешь, дети такие интересные! Я же помню, ты вечно возилась с малышкой, тебе понравится!»

А Жене правда понравилось. Дети в ее группе оказались разные (одна – веселая, словно ее карманы всегда набиты смешинками, другой – сорвиголова, от чьей изобретательности плачет вся группа, третий – задумчивый мечтатель, витающий в облаках), но все очень талантливые. Ей с ними было по-настоящему интересно. На прежней работе в галерее «очень современного искусства» она откровенно скучала, а на нынешней работе не заскучаешь.

В первый раз Женя пришла на занятия деревянная, как Буратино, – ни эмоций, ни чувств, сказала бесцветным голосом: «Здравствуйте, дети!» Но дети они ведь такие – и мертвого пробудят, и деревянного заставят ожить. Один мальчик совершенно смутил Женю настойчивым вопросом: «А сколько вам лет?»

– А что? – растерялась Женя.

– Выглядите как девчонка. Вы школу-то закончили? – хмыкнул дотошный ребенок.

«Да что ты, мальчик, у меня ощущение, что мне триста лет и я старая черепаха Тортилла!» – подумала Женя, но вслух сказала:

– Это я просто хорошо сохранилась. Мне двадцать семь. Еще есть вопросы?

И дети тут же засыпали Женю другими вопросами, а также просьбами и идеями насчет того, как лучше провести этот учебный год в их изостудии (некоторые из идей Женя тут же стала реализовывать – в ближайшие выходные повела ребят в зоопарк – рисовать животных с натуры, затем в Ботанический сад и в ТЮЗ на спектакль); после первого же занятия Женя запретила себе приходить к своим ученикам в «деревянном» состоянии: «Что бы у меня ни было – это мои проблемы, к детям только с улыбкой и горящими глазами, иначе никак!» Собственно, как теперь понимает Женя, благодаря им она и стала потихоньку выкарабкиваться из депрессии.

Помимо занятий в изостудии Женя пыталась заниматься дизайнерскими проектами – давала объявления, искала заказчиков.

Она училась жить в состоянии турбулентности, искала новую точку опоры.

И вот прошла осень, наступил декабрь. Жизнь постепенно налаживалась, и все-таки в душе Женя по-прежнему чувствовала пустоту, которую было нечем заполнить... Как этот лист из Лериного блокнота.

...Женя вздохнула:

– Ты права, Леруся! Пожалуй, сформулировать свое самое заветное желание действительно непросто...

Лера улыбнулась:

– Вот и подумай на досуге, чего попросить у золотой рыбки к Новому году. Кстати, вот ключи от квартиры на Васильевском и адрес.

...Не далее как неделю назад Лера предложила Жене сделать дизайн-проект квартиры в старом доме на Васильевском острове. «Это квартира друга моего брата. Хозяин, Дмитрий Вишневский, уже несколько лет живет за границей, весной он должен вернуться в Россию и хотел бы начать в квартире ремонт, а ты за это время могла бы сделать ему дизайнерский проект. Там есть где развернуться – квартира большая, старый дом – памятник архитектуры! Возьмешься?» Женя кивнула: «А что, можно попробовать!»

И вот теперь Лера вручила Жене связку ключей.

– Дмитрий в курсе. Мы дали ему твой телефон! Свяжитесь с ним, все обсудите. Кстати, квартира стоит пустая, можешь смело туда наведаться.

Женя засомневалась – как так, не будет ли потом проблем с хозяином? Может быть, подождать, пока он приедет в Петербург?

Лера покачала головой:

– Дмитрий не хочет ждать. Он вернется в Россию в марте и хочет сразу делать ремонт. Да не сомневайся, никаких проблем не будет. Дмитрий – мировой парень. Он согласился на твои условия, с его стороны одно пожелание – чтобы проект был готов к марту.

– Хорошо, – кивнула Женя, – до марта я все сделаю.

– Удачи! Я уверена, что у тебя все получится!

Лера встала, поцеловала Женю на прощание:

– Ну, мне пора, Женька, еще столько дел! А ты давай загадывай желание! Чтобы к Новому году было готово!

«Легко сказать!» – вздохнула Женя, глядя вслед уходящей подруге. Ладно, до Нового года еще почти месяц... Глядишь, за это время что-нибудь придет в голову.

Женя провела в кафе еще полчаса, листая книгу, а потом, уже собираясь уходить, взглянула в окно и не поверила своим глазам. В городе шел снег. Он засыпал Невский проспект, прохожих, елку у Казанского собора. В этом снеге была чистота, какая-то детская радость, надежда, и Женя обрадовалась ему, как чуду.

* * *

На следующий вечер, после занятий со своими юными художниками, Женя поехала на Васильевский остров. Искомый дом находился рядом с Андреевским собором. Такие старые петербургские дома Женя уважительно называла домами «с историей» – уж они-то на своем веку повидали много...

Пройдя в просторную парадную и оказавшись перед нужной квартирой, Женя разволновалась. Ей было как-то неловко открывать дверь ключами, что дала Лера, и на всякий случай Женя несколько раз позвонила в дверь. И только минут через пять она все-таки вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла внутрь.

Ну что? Предполагалось, что в доме «с историями» и квартира должна быть особенной. Во всяком случае, квартира, куда попала Женя, действительно оказалась необычной. Во-первых, она была большой – огромный коридор, расходящиеся двери в комнаты, а комнат, кстати... Ого, пять! – подсчитала Женя (но по размеру они были такие, что каждую вполне можно поделить еще на две); во-вторых, своеобразие квартир в таких домах заключалось в их высоченных потолках, арочных сводах, каким-то чудом сохранившейся лепнине. При этом ремонт здесь, по всей видимости, не делали очень давно – на всем был отпечаток запущенности, потолок во многих местах потрескался, старый паркет скрипел, словно на что-то жалуясь.

Женя прошла по всем комнатам: гостиная, библиотека (шкафы с книгами уходили под потолок), кабинет, спальни. В этой квартире, учитывая ее размеры, конечно, было где развернуться фантазии дизайнера. Из этого пространства можно было сделать все что угодно. «Все что угодно!» – повторила Женя и задумалась: но вот чего хотят хозяева?

Кстати, о хозяевах... Женя попыталась по обстановке и каким-то личным вещам составить представление о живших здесь людях; она с любопытством оглядела содержимое книжных шкафов (все-таки наши литературные предпочтения рассказывают о нас многое), здесь было много старых книг (может быть, даже старинных – с потрепанными корешками с благородной позолотой), разнообразные словари, много научных, исторических, философских книг. Подумав, что такая библиотека вполне могла принадлежать какому-нибудь ученому, Женя принялась рассматривать фотографии в гостиной. Их было много – они висели на стенах, стояли в рамках на полках. В основном это были ретрофотографии – дамы в шляпках,

бравые военные, но Женя нашла и несколько современных – вот, например, эта – с улыбочным темноволосым мальчишкой с гитарой в руках. «Интересно, кто это?» – подумала Женя и вздрогнула, потому что тишину разрезал звонок ее мобильного телефона.

– Это Женя? – спросил незнакомый мужской голос. – Я Дмитрий Вишневский, хозяин квартиры на Васильевском острове.

Женя рассказала Дмитрию, что как раз сейчас находится в его квартире, и честно призналась, что немного смущена: «Ну, знаете, как-то неловко находиться здесь одной... Ощущение, словно я проникла в чужой дом и хожу тут, все разглядываю...»

– Да все в порядке, – заверил ее Дмитрий, – смущаться не нужно. Вы можете в любое время приходить, смотреть, замерять все, что нужно...

Дмитрий объяснил Жене, что эта квартира когда-то принадлежала его прабабушке с прадедушкой, потом здесь жили его дед и бабушка, а после их смерти она перешла ему по наследству. «Понимаете, Женя, эта квартира дорога мне... ну, считайте, как семейная реликвия. Мои родители – работники дипконсульства, они много лет живут за границей, и поэтому я почти все детство прожил у бабушки с дедушкой вот в этой квартире. Я долго не делал в ней ремонт, потому что боялся разрушить какую-то особенную атмосферу дома своего детства, но недавно пришел к выводу, что ремонт все-таки придется сделать, иначе там скоро все придет в аварийное состояние... Последние три года я живу в Нью-Йорке, работаю по контракту, но весной мой контракт заканчивается, и я всерьез подумываю о том, чтобы вернуться в Россию. В марте я приеду в Петербург и начну в своей квартире полномасштабный ремонт. Надеюсь, что в этом мне поможет ваш дизайн-проект».

– Для дизайн-проекта необходимо, чтобы вы поставили передо мной четкую задачу, – улыбнулась Женя, – озвучили, каким вы хотите видеть свой дом. А я постараюсь выполнить все ваши пожелания.

– Ну, тогда задача такая – сохранить атмосферу старой петербургской квартиры и в то же время несколько осовременить пространство. – Дмитрий рассмеялся. – Это возможно?

– Я попробую, – кивнула Женя. – Но у меня к вам будут вопросы. К примеру, я бы хотела знать, какие пожелания к дизайну у вашей жены? И нужна ли в квартире детская?

– Видите ли, Женя, – хмыкнул Дмитрий, – у меня нет жены. Соответственно вопросы о детской мы будем решать, э... – он замялся, – по мере появления детей.

– Хорошо, – смутилась Женя.

– Вот что точно должно остаться в квартире, так это библиотека и кабинет. В общем, вы приступайте, а в процессе общения мы будем согласовывать с вами детали.

Дмитрий объяснил Жене, что днем он много работает и на телефонные разговоры у него нет времени («к тому же у нас с вами разница часовых поясов!»), и предложил ей для решения всех вопросов связываться с ним по скайпу или электронной почте. На том и порешили.

* * *

Всю следующую неделю Женя провела в квартире Дмитрия Вишневского – замеряя, зарисовывая, пристраивая те или иные идеи к пожеланиям хозяина. Естественно, ей захотелось узнать вкусовые пристрастия Дмитрия и вообще понять, что он за человек. Сначала Женя собиралась общаться с Дмитрием по скайпу, но в то время, когда она выходила на связь, его никогда не было в сети (видимо, действительно сказывалась разница во времени между Россией и Америкой), и в итоге Женя написала Дмитрию письмо и отправила его по электронной почте. В письме Женя сообщила, что начала работать, а посему хотела бы задать Дмитрию несколько вопросов. «Просто чтобы понять, что вы любите, что вам нравится, а

что нет... Мне это поможет в работе. Обещаю, что это не займет у вас много времени. К примеру, такой вопрос – ваш любимый цвет?»

На следующее утро, открыв свой почтовый ящик, Женя увидела письмо от Дмитрия. Он писал, что с радостью ответит на все ее вопросы, а отвечая на недавний, признался, что его любимый цвет – синий. Во всех его проявлениях. Цвет неба, моря и, как ему кажется, цвет России. «Знаете, Женя, Россия с ее необъятными морями, реками, озерами ассоциируется у меня именно с синим цветом». После этого Женя тут же решила непременно задействовать вариации синего цвета в последующем декорировании интерьера квартиры и между прочим написала Дмитрию, что ее родной Урал тоже ассоциируется у нее с синим цветом.

В следующем письме она спросила Дмитрия о его архитектурных предпочтениях, и Дмитрий прислал ей довольно большое письмо, в котором подробно ответил на ее вопрос. Женя в свою очередь ответила на его письмо, и вот уже у них завязался разговор об особенностях архитектуры Петербурга; затем они обсудили венецианскую архитектуру, о которой Женя в студенчестве писала работу (Женя предложила Дмитрию использовать в оформлении одной из стен в прихожей «очень фактурную» штукатурку, которая напоминала ей стену старого дома в ее любимом квартале в Венеции), и сошлись в любви к Барселоне с ее уникальной архитектурой.

Потом Женя спросила Дмитрия о его увлечениях. «Может быть, иные из них каким-то образом обыграть в интерьере квартиры?» Дмитрий ответил, что он давно и серьезно увлекается парусным спортом («но вряд ли, любезная Женя, это как-нибудь можно обыграть в интерьере» – после этой фразы Дмитрий поставил веселый смайлик), а кроме того, он рассказал ей о том, что собирает дорогие перьевые ручки и что у него уже собралась солидная коллекция, которую он потом хочет разместить в кабинете. «Кстати, о кабинете! Женя, мне понравился ваш эскиз кабинета...»

Потом были еще письма, и еще. Жене нравилось писать Дмитрию и получать его письма. Она даже подумала, что письма вообще самая честная и глубокая форма общения, потому что зачастую именно в письме человек раскрывается полностью. С самых первых писем Дмитрия ей показалось, что и ему нравится писать ей, спрашивать ее о чем-то, что не всегда имело отношение к ремонту его квартиры. Например, он спрашивал ее о России, о Петербурге, о том, что изменилось в стране за последние годы, о том, какая сейчас погода, выпал ли снег, как город готовится к Новому году. И – вопрос за вопросом, словно нитка за ниткой, на которую наматывался клубок беседы.

Спустя неделю и семь писем из Петербурга в Нью-Йорк Женя подумала, что даже хорошо, что они с Дмитрием не общаются по скайпу. Теперь ей не хотелось, чтобы он увидел ее через веб-камеру, поскольку камера, по мнению Жени, изрядно искажала ее внешность. Нет, Женя была согласна общаться по скайпу с людьми, кто хоть раз видел ее в реальности и имел представление о ее настоящей внешности, но ей не хотелось, чтобы незнакомый человек впервые увидел ее с большим носом вместо лица и маленькими глазками. Жене почему-то не хотелось предстать перед Дмитрием в таком виде. Уж лучше они познакомятся как-нибудь потом, при личной встрече.

Женя увлеченно работала над проектом, выверяя и обдумывая каждую деталь, вникала во все технические вопросы (принимая во внимание, что дом старый, нужно было учесть состояние всех коммуникаций, продумать новую разводку труб), согласовывала с архитекторами разрешение на снос двух перегородок в квартире и наконец его получила. Кроме того, Женя предложила Дмитрию отреставрировать кое-что из старой мебели в его квартире. «Мне приходилось работать реставратором мебели. Хотите, я приведу в порядок ваш роскошный резной шкаф на грифоньих ножках? И столик в гостиной, и ваш бесценный буфет?!» Дмитрий ответил, что эта мебель дорога ему как память о прабабушке и что «будет про-

сто здорово, если вы, Женя, приведете ее в порядок. Хм... Не перестаю удивляться вашим талантам!»

Придумывая дизайн для гостиной, Женя захотела добавить в него несколько картин, и ей показалось, что иные из тех картин, которые она привезла с собой из Екатеринбурга, соответствуют духу этого пространства. Женя была готова подарить их Дмитрию просто так – бескорыстно, в благодарность за его доброжелательность и понимание, но, не будучи уверенной в том, что ее картины ему понравятся, она отправила ему их изображения по электронной почте, при этом не признаваясь, что это ее картины. «Дмитрий, это картины одной екатеринбургской художницы... Если вы сочтете возможным – их можно использовать в оформлении гостиной».

Дмитрий ответил, что «екатеринбургская художница весьма талантлива и он сочтет за честь приобрести ее работы». Тогда Женя призналась в том, что это ее картины и «приобретать» вообще-то ничего не нужно. «Картины – бонус к дизайн-проекту».

В следующие выходные Женя поехала на знаменитый петербургский блошинный рынок, надеясь найти там какие-нибудь особенные вещи для квартиры Дмитрия.

Изрядно поплутав вдоль прилавков и закутков с самыми разнообразными товарами, Женя наконец увидела то, что как нельзя лучше вписалось бы в необычное пространство квартиры в старом доме на Васильевском острове. Это была старая, скорее еще дореволюционная, уличная вывеска с надписью: «Васильевский остров, седьмая линия...» Женя, уже зная, что повесит вывеску в прихожей Дмитрия рядом с входной дверью, не задумываясь тут же ее купила. Старик, продавший Жене вывеску, подмигнул ей и предложил взглянуть на еще одну «весьма занятную вещицу». Женя кивнула, и тут же из глубины какой-то норы, набитой вещами, старик извлек старый витражный фонарь. «Этому фонарю, барышня, в обед сто лет!» Витражи в нем были покрыты пылью, в одном из них треснуло стекло, но увидев, как волшебным образом они отражают свет, Женя поняла, что этот сказочный фонарь надо брать.

С фонарем в пакете и вывеской под мышкой довольная Женя свернула в другую сторону рынка, рассчитывая найти что-то для себя, и вдруг увидела прилавок, где лежали старинные перьевые ручки. Женя вспомнила о коллекции Дмитрия и подошла к прилавку. Ее внимание привлекла необычная перьевая ручка стального цвета. Продавец оценил Женин выбор и взглянул на нее с уважением: «Уникальный экземпляр! Германия, конец тридцатых годов! Этой фирмы, конечно, уже давно нет на свете!» После недолгого раздумья Женя купила эту ручку. Дмитрию. В подарок.

Пробираясь к выходу с рынка, Женя заметила на одном из развалов россыпь старинных елочных игрушек. «Сороковые-пятидесятые!» – пояснил продавец, заметив интерес Жени. Женя улыбнулась – некоторые из этих игрушек она помнила по своему детству, потому что у ее бабушки были точно такие же. Выбрав с десятка ретроигрушек, Женя истратила последние деньги и поехала домой.

Ручку Дмитрия она положила на стол в его кабинете, вывеску временно повесила в прихожей, а фонарь примостился на окне в гостиной (Женя бережно очистила стекла от пыли и заклеила трещину на стекле); перебирая старые елочные игрушки, Женя подумала, что скоро они дождутся своего часа.

Да, до Нового года оставалось всего ничего, в начале шестой линии Васильевского острова тоже поставили большую елку, и всякий раз, идя к Андреевскому собору от метро и видя елку, Женя улыбалась.

* * *

Каждый вечер в течение декабря Женя писала Дмитрию письмо, а утром открывала свою почту и видела письмо из Нью-Йорка. Она прочитывала его несколько раз – сначала торопливо пробежала глазами, потом, за утренним кофе, – медленно и вдумчиво перечитывала. А по вечерам, возвращаясь в метро с Васильевского острова к себе в Купчино, Женя мысленно говорила с Дмитрием, продолжала их беседу, думала, о чем напишет ему в сегодняшнем письме.

«Женя, а вам нравится Петербург? Мне кажется, это один из самых красивых городов мира...» А из Петербурга летел встречный вопрос: про самые странные места и музеи на свете, в которых удалось побывать, и последние прочитанные книги, и любимую музыку. Потом Женя стала просто делиться с Дмитрием новостями из своей жизни, впечатлениями: «Знаете, Дмитрий, недавно в нашем Доме творчества был детский концерт, и я поразилась тому, сколько у нас умных, красивых, невероятно талантливых детей! А вчера я видела, как на Дворцовой площади установили новогоднюю елку! А в городе теперь много снега, сегодня даже была метель, и пока я дошла до вашего дома, меня едва не замело...» Посылая письмо, Женя чувствовала, что ей не хочется заканчивать разговор. А Дмитрий рассказывал ей про Америку, про свою работу, про свои путешествия по миру. В какой-то момент Женя поняла, что привыкла к его письмам и они стали ей необходимы. «Как странно – я никогда его не видела, но при этом у меня чувство, что он очень дорогой и близкий мне человек!»

...В середине декабря Женя отправила Дмитрию первый эскиз будущей кухни и спросила, собирается ли Дмитрий готовить дома («хотела уточнить, что именно должно быть на кухне – духовой шкаф, посудомоечная машина?»), а Дмитрий в ответном письме, посетовав на то, что абсолютно лишен кулинарных талантов, рассказал, что его прабабушка и бабушка прекрасно готовили. «Бабушка всегда что-то пекла, и каждый день, когда я возвращался из школы, в доме пахло пирогами. Это был запах дома. А на Новый год бабушка пекла какое-то особенное имбирное печенье. И Новый год был связан с этим запахом сдобы, корицы, шоколада. Дмитрий закончил письмо неожиданным вопросом: – А вы, Женя, печете?»

Женя улыбнулась (кулинария была ее увлечением, она собирала рецепты, придумывала новые, любила печь пироги с самыми разными начинками, фантазийное печенье, маковые рулеты, штрудели) и ответила Дмитрию, что готовить умеет и любит, но что в последнее время она почти перестала это делать, потому что готовить для себя одной скучно. Она предложила Дмитрию все-таки оборудовать кухню всем необходимым. «Ну, может, у вас появится кто-то, кто будет вам печь?!»

...В конце декабря Жене позвонил незнакомый мужчина и, объяснив, что ему рекомендовали ее как «талантливого дизайнера», попросил сделать дизайн-проект его квартиры. «Простите, а кто вам меня рекомендовал?» – уточнила Женя. «Дмитрий Вишневский!» – ответил мужчина. Вечером Женя написала Дмитрию письмо, в котором поблагодарила его за трогательную протекцию. «Спасибо, но я же пока ничего не сделала...» Дмитрий на это ничего не ответил, но в следующие дни к Жене «по рекомендации Дмитрия Вишневского» обратились еще несколько человек.

– Ну, Женька, теперь у тебя не будет отбоя от заказчиков! – обрадовалась Лера, когда Женя рассказала ей о своих новых клиентах. – Я же тебе говорила – Дима очень хороший человек!

Тут Женя не выдержала и спросила у подруги то, что давно хотела спросить: чем занимается Дмитрий? Был ли он женат, почему уехал из России?

– У Димы была жена. Между прочим, оперная певица. Очень красивая, очень, – Лера даже интонационно выделила слово «очень», – они вообще были невероятно красивая пара... Но женаты они были недолго, кажется, года три. Дело в том, что эта примадонна уехала учиться в Италию, где закрутила роман с каким-то певцом... Ой, Женька, там такие страсти кипели! Димины жена долго не могла решиться на развод (по-своему она и Диму любила!), но потом все-таки развелась с ним и уехала к этому своему тенору в Италию. А Дима остался один. Но вскоре ему предложили контракт в Америке (он же талантливый ученый-физик!) и он уехал».

Вечером в письме Женя осторожно спросила Дмитрия, почему он уехал из России. Она так хотела получить ответ, что долго не ложилась спать, а письма все не было. В итоге Женя заснула за столом перед включенным экраном компьютера. Проснувшись рано утром, она увидела письмо.

«Если честно, Женя, я не просто уехал – я сбежал. Из этого города. От своего прошлого. От себя самого. Но проблема в том, что от себя сбежать невозможно. Мне понадобилось несколько лет, чтобы это понять, почувствовать, как я соскучился по родному городу, и захотеть вернуться».

* * *

Декабрь отсыпал снегами, и до Нового года осталось несколько дней.

Тридцатого декабря Женя устроила для детей из своей группы особенное – «новогоднее» – занятие и в качестве задания попросила их нарисовать рисунок на тему «Последний час декабря».

Принимая готовые рисунки, Женя смотрела, что нарисовали ребята: кто-то – украшенную елку с горой подарков, кто-то – кремлевские куранты со сведенными на цифре XII стрелками, кто-то – засыпаемый снегом дом, где светятся окна (за которыми, как нетрудно догадаться, ждет праздника счастливое семейство), а кто-то...

– А это чья «работа»? – растерялась Женя, увидев пустой белый лист.

В авторстве признался щуплый рыжеволосый Ваня Пчелкин.

– Что это? – уточнила Женя.

– Последний час декабря! – невозмутимо ответил Ваня.

Женя пожала плечами:

– И как это понимать?!

– Так! – У Вани была привычка говорить отрывистыми, словно рублеными, фразами. Выходило основательно, по-мужски.

По растерянному выражению лица преподавателя Ваня понял, что та, что называется, «ни в зуб ногой», и снисходительно разъяснил:

– Вы же сами просили нарисовать «последний час декабря», ну? А в последний час декабря происходит что? Чудо! А как можно выразить чудо? Описать его? Или нарисовать? Чудо не выразить! Оно – непостижимо!

Женя кивнула – в Ваниных размышлениях, как ни крути, была логика.

Завершая занятие, Женя устроила ребятам чаепитие. Накануне она специально испекла для них пирог размером с футбольное поле. За чаем дети смеялись, делились друг с другом планами на каникулы, рассказывали, кто как будет встречать Новый год.

– А как вы будете встречать Новый год? – спросил Женю Ваня Пчелкин.

– Не знаю, – растеряннo сказала Женя.

– А как ты собираешься встречать Новый год? – в этот же вечер спросила Женю Лера. – Мы с мужем встречаем Новый год у его друзей. Идем с нами?

– Спасибо, Лер, ну что я пойду, – вздохнула Женя, – я там никого не знаю. Да и настроения нет. Я лучше посижу поработаю... Тем более столько дел – у меня ведь с января еще заказ на проект квартиры на Петроградской.

– Ладно, как хочешь. Тогда встретимся вечером первого января?! – предложила Лера.

– Хорошо, – Женя замялась, – слушай, Лер, хотела с тобой посоветоваться... Понимаешь, Юля, девушка с которой мы на пару снимаем квартиру, собирается пригласить на Новый год своего молодого человека. А мне не хочется им мешать, пусть люди встретят Новый год вдвоем... Но тогда получается, что мне надо куда-то уйти на новогоднюю ночь... И я подумала, что, может, мне остаться на ночь в квартире на Васильевском? Заодно и поработаю. Как ты думаешь, это будет не очень нагло с моей стороны? Встретить Новый год в этой квартире?

– Да чего тут наглого?! Кому ты помешаешь? – пожала плечами Лера. – Конечно, ночуй, в чем проблема?! Можешь вообще пока там пожить. Хочешь, я Дмитрию сама все объясню? Уверена, он не будет против.

– Ой, – смутилась Женя, – что ты... это неудобно. Нет, жить я буду у себя в Купчине. А в квартире Дмитрия просто переночую одну ночь, раз уж сложилась такая ситуация.

...Вечером тридцатого декабря Женя придумала для Дмитрия новогоднюю открытку – она обработала фотографию заснеженного Андреевского собора, которую сделала накануне, добавила надпись «Счастливого Рождества и Нового года!» и отправила открытку Дмитрию.

Проснувшись утром, Женя сразу проверила почту, но письма от Дмитрия не было. Ей почему-то стало грустно. «Конечно, он, наверное, занят сейчас, готовится к Новому году...» – подумала Женя.

Днем она попрощалась с Юлей и поехала на Васильевский остров. Выйдя из метро, Женя увидела, что продают елки, и, вспомнив про старые елочные игрушки, что ждали своего новогоднего часа, не выдержала и купила небольшую елочку.

Женя поставила елку в гостиной, украсила ее игрушками и занялась приготовлением новогоднего ужина. На кухне Женя включила маленький телевизор (в это время по ТВ чередой шли старые советские комедии: «Карнавальная ночь», «Чародеи», «Иван Васильевич...» – наше национальное достояние!) и взялась за оливье (ну потому что какой же Новый год без оливье?! Вот и мама ее потом обязательно спросит: «Женя, а что у тебя на новогоднем столе?») И отсутствие оливье явно не одобрит). Закончив с салатом, Женя перешла к выпечке. Вчера, вспомнив, как Дмитрий рассказывал о семейной традиции Вишневских печь на новый год «рождественское» имбирное печенье, она нашла в Интернете рецепт и решила испечь печенье. Жене хотелось, чтобы в этот Новый год квартира Вишневских вновь наполнилась новогодним запахом. Пусть хотя бы сегодня эта семейная традиция оживет. Женя увлеченно лепила из теста разные фигурки, потом поставила печенье в духовку, и вскоре по всей квартире потянулся непередаваемый запах (теперь понятно, почему Дмитрий называл его запахом Нового года!).

Женя накрыла стол в гостиной: шампанское, мандарины, блюдо с печеньем; зажгла елочные гирлянды и волшебный витражный фонарь на окне (свет от елочных гирлянд отражался в разноцветных стеклах), включила диск с любимыми новогодними песнями и подошла к окну. Начинало темнеть. За окном шел снег. Уже с первых слов любимой песни защемило в душе: «Никого не будет в доме, кроме сумерек... Только крыши, снег, и, кроме крыш и снега, никого...» «Кроме крыш и снега – никого!» – улыбнулась Женя.

Она решила позвонить в Екатеринбург и поздравить маму с Новым годом. «Да, мама, у меня все хорошо. Нет, я не одна... Ну что ты, я вовсе не собираюсь встречать Новый год в одиночестве. Не беспокойся за меня... Я скоро к тебе приеду, вот разделаюсь с делами и весной приеду. С наступающим, мама!»

После разговора с мамой Жене вдруг стало так грустно, что хоть плачь. Чужой город, чужая квартира... «Что я здесь делаю?» – вздохнула Женья. Печальным символом Жениного абсолютного одиночества был бокал для шампанского на ее новогоднем столе – бокал в единственном экземпляре! Женья не выдержала и демонстративно поставила рядом с ним второй бокал. Вот так. Пусть стоят два. Все ж выглядит веселее.

...До Нового года было еще несколько часов, и чтобы отвлечься от своих грустных мыслей, Женья решила поработать. Накануне она взялась за реставрацию шкафа с грифельными ножками, который стоял в прихожей, и теперь собиралась обработать его специальным составом. Женья подставила стремянку (шкаф был очень высоким), мужественно забралась на верхнюю ступеньку, поднесла кисть к поверхности шкафа и...

И в этот момент раскрылась входная дверь и в прихожую вошел высокий темноволосяный мужчина в синей куртке. От неожиданности Женья вскрикнула и потеряла равновесие на хлипкой лестнице. Отчаянно пытаясь удержаться, она зацепилась за карниз шкафа и повисла.

– Добрый вечер! – вежливо сказал незнакомец и улыбнулся: – А зачем вы висите на шкафу?

– Разминаюсь! – буркнула Женья.

Карниз предательски затрещал. Незнакомец бросился к Жене на помощь и обхватил ее.

– Не трогайте меня! – крикнула перепуганная Женья.

Незнакомец поставил ее на пол.

– Вы вообще кто? – На всякий случай Женья отступила на пару шагов назад.

– Дмитрий! – ответил мужчина. – А вы... Женья?!

Женья застыла – вот это да! Дмитрий! Хозяин квартиры! И от смущения и растерянности выпалила:

– А вы зачем приехали? Вы же собирались только в марте?

Идиотский вопрос! Женья тут же себя выругала – вот дура! Зачем приехал?! Тебя забыл спросить, когда ему приезжать. Но Дмитрий – ничего, кажется, не обиделся, спокойно ответил, что да, собирался в марте, но обстоятельства сложились так, что пришлось приехать в Петербург сейчас. На Новый год.

Женья не стала выяснять у Дмитрия, какие именно обстоятельства так сложились, а задумалась, куда ей теперь, собственно, деваться. А Дмитрий, улыбаясь, ее разглядывал. Женья, в свою очередь, оглядела Дмитрия. Она никак не ожидала, что он такой большой и широкоплечий (размером примерно под стать шкафу, который реставрировала Женья); войдя в прихожую, Дмитрий сразу занял половину пространства. Дмитрия вряд ли можно было назвать записным красавцем, но его открытая улыбка, живое лицо и умные, выразительные глаза тут же заставляли забыть об общей неправильности черт его лица.

– Может, пройдем в гостиную? – спросил Дмитрий у Жени, словно это была ее квартира.

– Да, конечно, – спохватилась Женья.

Пройдя в гостиную, Дмитрий задержался взглядом на столе, где стояла бутылка шампанского и бокалы. Женья залилась краской.

– Извините меня, – сбивчиво забормотала Женья, – понимаете, моя соседка, с которой мы на пару снимаем квартиру, пригласила на Новый год своего парня, и я ушла, чтобы им не мешать. В общем, я собиралась встречать Новый год здесь. В вашей квартире. Я же не знала, что вы приедете...

Дурацкая ситуация, да... И Дмитрий молчит. Наконец он махнул рукой:

– Ничего страшного! Пожалуйста, встречайте Новый год здесь. Я совсем не против.

– Нет, я, пожалуй, пойду! – смутилась Женья и кинулась собирать вещи.

– Подождите! – остановил ее Дмитрий. – Не надо куда уходить. Я... сам уйду. У меня вообще другие планы на Новый год. Я собирался встречать его с друзьями. Чемодан вот только оставлю и уйду. – Он взглянул на часы. – Тем более мне уже пора. Жень, вы не беспокойтесь, я вернусь только завтра днем.

– Может быть, все-таки я... – пискнула Жень, но Дмитрий прервал ее:

– Считайте, мы уже все решили! – И направился в прихожую.

На пороге он оглянулся:

– Счастливого Нового года, Жень!

– И вам! – сказала Жень.

* * *

Дверь захлопнулась. Жень осталась в пустой прихожей. Машинально взглянув на себя в зеркало трюмо, Жень ужаснулась. Ну и ну! Выглядит она, конечно, роскошно. Взлохмаченная, в тельняшке и джинсах, заляпанных красками, – отменное чучело! Образ, как нельзя лучше подходящий для первого свидания! «Уж лучше бы Дмитрий увидел меня в первый раз по скайпу!»

Настроение у Жени было окончательно испорчено. Как глупо вышло! Что Дмитрий о ней подумал?! Когда он уходил, Жене хотелось остановить его, все ему объяснить, предложить встретить Новый год вместе, но... Это в письмах к нему она могла быть свободной и раскованной, а когда они встретились в реальной жизни, оказалось, что все совсем непросто. «Наверняка у него есть куда более интересные варианты встречи Нового года, чем сидеть здесь со мной, – вздохнула Жень, – и вообще... Может, он приехал, потому что его здесь ждет какая-нибудь девушка...»

Жень решила, что рано утром, как только заработает метро, она уйдет, оставив ключи от квартиры на столе.

Она подошла к окну. Снег по-прежнему шел. До Нового года оставалось несколько часов, город готовился к празднику, и все в этом городе ждали чуда.

А вот Жене теперь было совсем не до праздника. Есть не хотелось, смотреть телевизор тоже. В итоге Жень снова взялась за работу. «По крайней мере, закончу сегодня с этим шкафом!»

Она раскрыла дверцы, выдвинула ящики и стала обрабатывать пустой шкаф изнутри специальным составом. Неожиданно ее рука уперлась в довольно большое углубление в центре шкафа, а в следующую секунду Жень услышала какой-то щелчок и увидела распахнутую дверцу, за которой оказался потайной ящик. «Ничего себе!» – ахнула Жень и, заглянув в ящик, обнаружила там большую связку пожелтевших от времени писем и потертую бархатную коробочку, где лежало кольцо с синим камнем. Жень тут же бросилась к телефону – звонить Дмитрию.

– Дмитрий, это Жень. Извините, что я вас беспокою, но дело в том, что я только что нашла в вашем старом шкафу с грифонными ножками нечто вроде потайного ящика, в котором оказалась внушительная связка старых писем и кольцо. Может быть, конечно, вы знаете об этом ящике, и...

– Я ничего об этом не знаю, – прервал ее Дмитрий, – в этот шкаф давно никто не заглядывал. Насколько я помню, последние годы он был пустым. А что за письма?

– Если хотите, приходите сейчас и все сами увидите! – предложила Жень.

Дмитрий замаялся:

– А я вам не помешаю?

– Нет, что вы...

– Хорошо. Тогда я сейчас приеду.

* * *

Он приехал через полчаса. Женя отметила, что на сей раз Дмитрий не стал открывать дверь своим ключом, а позвонил в дверной звонок. Зайдя в гостиную, Дмитрий удивился:

– Вы одна?!

– Да, – сказала Женя и удивилась, что его так удивило ее одиночество. – А почему вы подумали, что я кого-то жду?

– Я еще тогда заметил, что у вас на столе стоят два бокала, – пояснил Дмитрий, – вот и подумал...

– Ах, это! – улыбнулась Женя. – Ну что вы... Это я так поставила... Символически. Нет, я никого не жду.

На лице Дмитрия отразилась явная радость.

– Надеюсь, я не испортила ваши планы на новогоднюю ночь своим звонком? – спросила Женя.

– Откровенно сказать, Женя, у меня и нет особенных планов, – Дмитрий развел руками, – когда вы позвонили, я ездил по городу в такси – хотел посмотреть, как город изменился за эти годы. На самую новогоднюю ночь у меня ни приглашений, ни обязательств нет. Я ведь никому и не сообщал о своем приезде. Ни друзьям, ни вам... Правда, вчера позвонил родителям в Венгрию и предупредил их, что лечу в Россию.

– Подождите, – опешила Женя, – но раз так – почему вы сказали мне, что вас где-то ждут?! Почему вы ушли?!

– Повторюсь – увидев на столе два бокала, я подумал, что вы кого-то ждете... и решил вам не мешать.

Женя охнула:

– С ума сойти! Вы что, специально ушли, чтобы мне не мешать?! Из собственной квартиры?!

Дмитрий пожал плечами – выходит, что так.

– Все-таки вы удивительный человек! А я хотела задержать вас, но постеснялась.

– А я потом еще долгое время стоял во дворе под окнами, – признался Дмитрий, – из окна гостиной шел какой-то особенный волшебный свет.

– Это старый витражный фонарь, – Женя отодвинула занавеску на окне, – мне сказали, что ему сто лет и он действительно волшебный.

Дмитрий наморщил лоб:

– Мне кажется, я когда-то видел подобный фонарь. То ли у моей бабушки, то ли у прабабушки был точно такой. В детстве, засыпая, я любил на него смотреть. А потом он разбился... Так что вы там отыскиали?

Женя протянула Дмитрию свои находки. Дмитрий бережно взял в руки письма, просмотрел их.

– Слушайте, Женя, а ведь вы нашли настоящий клад! Представляете, это письма моего прадеда Валерьяна Вишневого и прабабушки Нади! Узнаю ее почерк – его умел разбирать только прадед. Для нашей семьи эти письма – невероятная ценность! Знаю, что и моя бабушка, и мать искали их, а они, значит, лежали столько лет вот где. Удивительно, что нашли их только теперь. У меня сейчас такое чувство, словно мои родные поздравили меня с Новым годом. Коснулись рукой... А кольцо с сапфиром принадлежало моей прабабушке. Прадед подарил его ей еще до их свадьбы. Значит, кольцу больше ста лет. А это что?

Дмитрий взял в руки пожелтевшую от времени афишу, на которой была нарисована новогодняя елка и фоном по всему листу – снежинки. Красивая витиеватая надпись на афише

гласила, что в новогодний вечер в доме Архиповых (набережная реки Мойки, дом номер...) пройдет новогодний бал.

– 1915 год! – изумилась Женя. – Это же сто лет назад!

– Наверное, у прабабушки Нади были связаны с тем вечером какие-то воспоминания, раз она сохранила эту афишу, – предположил Дмитрий.

– А какой была ваша прабабушка? – спросила Женя.

– Красивой, – улыбнулся Дмитрий, – и веселой. Она любила шутить, постоянно придумывала розыгрыши.

Дмитрий достал с полки выцветшую фотографию в рамке и протянул Жене. С фотографии на Женю взглянула (совсем не строго, а смеясь!) красивая барышня в белом платье.

Огромные глаза, две темных косы, чуть вздернутый нос – семнадцатилетняя Наденька Бурковская.

* * *

У барышни Нади Бурковской каштановые кудри такой копной, что ни одной расческой не приладишь (поэтому она их забирает в две толстых косы, и, когда нервничает, наматывает пряди на палец), нежная, светлая кожа (чуть Надя разволнуется – на щеках проступает алый румянец) и манера хохотать так, что кажется, хохочет в ней все – и темные глаза цвета крепкого кофе, и маленький упрямый рот, и косы (и «даже, наверное, ваши пятки» – написал Наде в альбом Валерьян Вишневский). А еще у Нади отвратительный неровный почерк (который, вероятно, есть отражение такого же неровного характера Нади) – ни в одну строчку не уместить, буквы словно несутся галопом в разные стороны.

Вот из-за последнего обстоятельства Надя и ее подруга Сашенька Архипова, приступая к оформлению афиши предстоящего новогоднего бала, сразу решили, что писать будет Сашенька. А Надя разве что рисовать снежинки.

Сашенька, обладавшая безупречным каллиграфическим почерком, старательно выводила буквы: «В новогодний вечер 1915 года в доме Архиповых на Мойке пройдет новогодний бал...» В то же время Надя, примостившись с краешка, рисовала на афише снежинки разной формы и разных оттенков синего.

– Надо продумать программу бала, – напомнила подруге Саша.

Но Надя молчала. Перестав рисовать, она о чем-то напряженно думала и яростно наматывала на палец кудрявый кончик косы.

– Надя! – Саша дернула подругу за вторую косу. – О чем ты думаешь? Или... о ком?

Надя вдруг шмякнула на лист бумаги такую снежинку, что Саша укоризненно вскрикнула:

– Надя, ну что ты делаешь? Это не снежинка, это какая-то ледяная глыба. Аккуратнее!

Надя не обратила на слова Саши никакого внимания и неожиданно ни с того ни с сего презрительно заметила:

– Этот Валерьян Вишневский попросту глуп!

– Да будет тебе! – оторопела Саша. – Он вовсе не глуп, а, напротив, умен. А ты нарочно так про него говоришь!

– Это почему же? – с вызовом спросила Надя.

– Да потому что... – Саша замолчала.

– Ну? – дерзко крикнула Надя, отбросив кисточку.

Саша пожала плечами:

– Потому что он тебе нравится. А может, ты в него влюблена?!

– Вот еще! – вспыхнула Надя и три дня после этого не разговаривала с Сашей.

Но прозорливая Саша, конечно, попала в точку – Валерьян действительно нравился Наде (и она за это на себя ужасно злилась!).

Нет, сначала он ей решительно – категорически – не понравился! «Высокий, худой, серые холодные глаза, словно из стали, и какой-то надменный, видно, что очень много о себе понимает!» – охарактеризовала Валерьян, будто пригвоздила, Надя при первом знакомстве.

Но потом...

...Они познакомились прошлым августом на даче Бурковских в Павловске. В тот день Надя сидела на качелях в саду и читала новый сборник стихов Анны Ахматовой «Четки». «Ах, я дома, как не дома – плачу и грущу. Отзовись, мой незнакомый, я тебя ищу!» Неожиданно в саду раздался какой-то шорох; обернувшись, Надя заметила под яблоней незнакомого светловолосого юношу. Надя-то его заметила, а он ее нет. Увидев, что незнакомец сорвал с ветки яблоко, Надя озорно крикнула:

– Воруете яблоки в чужом саду?

Увидев ее, светловолосый жутко смутился. Потом он подошел к Наде и протянул ей на ладони розовобокое яблоко. «Сегодня Яблочный Спас!»

Надя схватила яблоко, впилась в него зубами и, соскочив с качелей, умчалась в дом. «Это мой институтский приятель – Валерьян Вишневский, я его пригласил на ужин!» – пояснил Наде ее брат Сергей. За столом Надя пристально рассматривала Валерьяна и подтрунивала над ним, вгоняя его в краску.

Второй раз они встретились осенью, в Петербурге, в доме общих знакомых. Валерьян бросился ей навстречу: «Здравствуйте, Надя!» Но Надя намеренно сделала вид, что не узнала его, и холодно бросила: «Разве мы знакомы?» Валерьян растерялся: «Ну как же... Август, Яблочный Спас, яблоко?!» «Яблоко?! – высокомерно переспросила Надя и отчеканила: – Нет, не помню!» Смущенный Валерьян отошел от Нади и весь вечер был мрачен.

Уже прощаясь с хозяевами дома и собираясь уезжать, Надя смиловилась над расстроенным Валерьяном и произнесла: «А я, представьте, вас вспомнила! Заходите как-нибудь к нам в гости!» Валерьян просиял, заверил, что непременно придет. И действительно, через несколько дней пришел к Бурковским – якобы опять к приятелю Сереже, но у Нади было такое чувство, что Валерьян пришел к ней. За ужином Надя была с ним любезна и даже нежна – вздыхала, бросала на него томные взгляды, попросила написать что-нибудь ей в альбом, а после того как Валерьян сделал запись, демонстративно прижала альбом к груди, заставив бедного юношу покраснеть. «Надька, что ты жеманничаешь? Не иначе опять задумала какую-то гадость?» – прошипел ей на ухо брат, слишком хорошо знавший Надин характер и ее шуточки.

А она и впрямь задумала. Надя решила разыграть Валерьяна, притвориться, будто она в него влюблена. В эту же ночь она написала ему любовное письмо. При этом она вовсе не стала затруднять себя сочинением письма, а просто переписала страницу пылкого любовного послания одной героини из французского романа. От себя Надя, похотывая, сочинила только приписочку, в которой пригласила Валерьяна на свидание. «Я буду ждать вас в полночь на Смоленском лютеранском кладбище, у фамильного склепа... Навеки ваша Надя». И отправила это безобразие Валерьяну.

– Зачем?! – воскликнула Саша Архипова, когда Надя рассказала подруге о своей выходке. – Неужели тебе его не жалко? Представь, как он стоял там, ночью, на кладбище, среди могильных плит?! – Саша в ужасе закатила глаза.

А Надя довольно хихикнула – вид растерянного Валерьяна Вишневого, мерзнувшего среди мрачных готических декораций кладбища, был для нее словно бальзам на сердце. Пусть, пусть пострадает!

Саша покачала головой:

– Какая ты злая, Надька!

– Ага! – легко согласилась Надя. – Мне очень нравится его мучить! Сама не пойму почему.

Ей было ужасно интересно – приходил Вишневский на кладбище или нет. А должно быть, не приходил, что он – дурак?!

– Приходил, – сказал Валерьян. – И через два часа понял, что я совершенный дурак. Вы можете быть довольны – ваш розыгрыш удался.

– Но я... – пролепетала Надя.

– Ваш брат рассказал мне о вашем незаурядном чувстве юмора, – холодно прервал ее Валерьян. – Вы, Надя, еще совершенный ребенок. Да к тому же ребенок злой и избалованный.

Надя задыхнулась от возмущения и не нашла что ответить.

Подумав на досуге, она решила ему отомстить. Тем более что случай вскоре представился. Накануне своего восемнадцатого дня рождения Надя узнала от брата Сережи о ссоре Валерьяна Вишневского с его сокурсником – неким Писевским. Этот самый господин Писевский слыл отчаянным занудой и, говорят, «стучал» на своих соучеников; причиной громкой ссоры юношей как раз и стало обвинение в стукачестве, сделанное Валерьяном Писевскому. Надя решила использовать их ссору для розыгрыша.

В день рождения, когда в гостиной Бурковских стали собираться гости, Надя, увидев, что Валерьян Вишневский уже находится среди гостей, громко объявила:

– Господа, вы слышали печальную новость? Писевский повесился!

Воцарилось всеобщее молчание. Только Валерьян как будто вскрикнул. Во всяком случае, как с удовлетворением отметила Надя, он побледнел и схватился за сердце.

– Да когда это случилось? – спросил кто-то.

– Этой ночью! – вздохнула Надя.

– Это моя вина, господа! – глухо сказал Валерьян. – Я виновен в его смерти.

– Ну что вы! При чем тут вы, – с деланным сочувствием промолвила коварная Надя, – не вините себя!

Но Валерьян был безутешен.

– Господа, все помнят, как третьего дня я был груб с Писевским! Назвал его недостойным человеком, предлагал ему дуэль! И вот что из этого вышло! Эта смерть на мне, господа!

Надя изо всех сил сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Валерьян был так убит горем и чувством вины, что не сразу обратил внимание на то, что все присутствующие в зале гости вдруг разом замолчали и повернулись к дверям, в которые вошел «покойный» Писевский в черном костюме и с цветами. Господин Писевский, давеча получивший от Нади приглашение на ее именины (что его, кстати, весьма удивило), растерянно оглядывался по сторонам, не понимая, отчего к нему приковано всеобщее внимание.

Не в силах более сдерживаться, Наденька расхохоталась. Кончилось все, впрочем, совсем не смешно. Когда Надина шутка открылась, разразился скандал. Писевский объявил, что более никогда не переступит порог этого дома, а Валерьян, в очередной раз выказав себя человеком без чувства юмора, подошел к Наде и срывающимся от гнева голосом сказал, что она злая девчонка, после чего развернулся и ушел. Надя фыркнула: скажите, пожалуйста! Какое он имеет право запрещать ей смеяться над тем, что она находит смешным?!

Впрочем, Валерьян обижался недолго. На следующий день он пришел к Наде домой. Продрогший и тихий. Сказал, что долго бродил по улицам, думая о ней, и сам не заметил, как оказался возле ее дома.

«Какие у него длинные ресницы! Как у барышни! – подумала Надя. – И как ему, право, идет этот костюм!» Она потянулась к Валерьяну губами.

– Опять ваши шутки? – прошептал он и привлек ее к себе.

Но Надя оттолкнула его, подвела к окну и сказала:

– Вон видите – на углу стоит городской? Так вот! Я вас поцелую, если вы прежде расцелуете его в пышные усищи! Или облобызайте вон ту лошадь в повозке у соседнего дома. Выбирайте сами, месье Вишневский, кто из них вам больше нравится. А я буду смотреть из окна!

Валерьян развернулся и молча вышел из комнаты. Надя бросилась к окну. Поцелует или уйдет навсегда?! Вот Валерьян вышел на улицу, вот перешел дорогу, вот, Боже мой! – ахнула Надя и едва не вывалилась из окна – Валерьян подошел к лошади и поцеловал ее в рыжую морду. Изумленный извозчик погрозил Валерьяну кнутом и позвал городского, а Надя высунулась из окна и закричала на всю улицу: «Браво! Мы с лошадью в полном восторге!»

Через минуту Валерьян вбежал в комнату. «Ну, так вы мне обещали!» – и поцеловал ее с такой силой, что у Нади в голове поплыл туман.

Туман усилился, когда Валерьян отпустил ее и, задыхаясь от волнения, сказал:

– Надя, вы же видите... я люблю вас.

И тут Надя (словно какой-то лукавый бесенок ее все время подговаривал) выпалила:

– Значит, любите? Тогда докажите свою любовь. Вот ступайте опять на улицу и... состройте рожу какой-нибудь почтенной даме!

– Ах, это вы, Надя, оставьте! – вспыхнул Валерьян. – Я за вас жизнь отдам, но подобных глупостей делать не стану! А теперь я уйду и не приду более!

И действительно ушел. И Надя потом три дня была как больная – совершенно потерянная. Даже посылала к Валерьяну своего брата Сережу. Парламентарием. Однако же Сережа вернулся ни с чем, доложил, что Валерьян по-прежнему обижен. И тогда Надя спросила у Сережи адрес Вишневских и пошла на Васильевский остров.

Дом рядом с Андреевским собором... Приветливая мать Валерьяна. «Проходите, Надя!» «А разве вы знаете, как меня зовут?» – удивилась Надя. «Догадалась!» – улыбнулась хозяйка.

В комнате Валерьяна было тепло, уютно, много книг; на окне витражный фонарь, который рассеивает каким-то волшебным образом. А там, за окном, – снег, зима. Нева уже скована льдом, и скоро Рождество.

Валерьян и Надя проговорили до сумерек. Говорили они обо всем на свете. А потом Валерьян отправился провожать Надю, но, когда они дошли до ее дома, Надя поняла, что не хочет расставаться со своим сероглазым провожатым. И они еще долго кружили по улицам, пока оба окончательно не замерзли.

А на следующий день опять рассорились. Повздорили вроде из-за пустяка, но Валерьян обиделся, сказал, что Наде, видно, нравится его мучить, и ушел. Надя вспыхнула – ну и пожалуйста! Да что он о себе возомнил?!

...Рисуя снежинки на афише предстоящего бала, Надя, поджав губы, думала о Валерьяне, которого после той ссоры не видела уже две недели. Она каждый день ждала, что вот сегодня он точно придет мириться, а он не шел. И Надя на него злилась.

Вот и сейчас, вспомнив о нем, она так вспылила, что от гнева шмякнула кистью на афишу снежинку – плюх! – похожую на бесформенную глыбу льда.

И вдруг слова подруги Саши (как снежным комом за воротник – обожгло холодом!): «Да ты в него влюблена, не иначе?!»

Влюблена?! – испугалась Надя. Значит, об этом уже все знают? Знает Саша, наверняка догадываются родители, брат Сережа и... сам Валерьян? Но если он знает, почему не идет мириться?! Ждет, что она придет сама? «Ни за что к нему не пойду! – решила Надя. – Умру, но не пойду!»

После Рождества, которое Надя счастливо провела в кругу семьи, тридцать первого декабря, днем, Надя и Валерьян случайно столкнулись у Гостиного Двора. Надя возвращалась от портнихи (у которой забрала свое новое чудесное платье), а тут ей навстречу из снежной метели вынырнул Валерьян. Надя сделала вид, что его не заметила (хотя с таким же успехом можно было не заметить на Невском слона), но Валерьян догнал ее, схватил за руку: «Здравствуй, Надя!» Надя что-то недовольно буркнула.

– Послушай, Надя, – промолвил Валерьян, – приходи сегодня вечером ко мне встречать Новый год?! Мать с сестрой уехали в Москву к родне... Я один. Придешь?

– Да! Вечером приду! – улыбаясь, сказала Надя, деловито стряхивая с воротника шубки снежинки. – И останусь у тебя до утра. И стану твоей женой.

Валерьян вздрогнул, пытливо посмотрел на Надю:

– Это... очередная шутка?

– Конечно, шутка! – рассмеялась Надя. – Разумеется, я не приду к тебе! Хотя бы потому, что иду сегодня на новогодний бал к Сашеньке!

После этих слов Валерьян развернулся и пошел прочь. А Надя еще долго стояла под снегом и почему-то все смотрела Валерьяну вслед.

На балу у Архиповых былолюдно, шумно, весело. Огромная, под потолок гостиной, елка, свечи, столы и музыка, музыка! Надя в своем новом прекрасном синем платье без устали танцевала, меняя многочисленных кавалеров, и все-таки что-то ее беспокоило, что-то не позволяло ей радоваться. В какой-то момент она остановилась, прервала вальс и, ничего не объясняя ошеломленному усатому военному, с которым танцевала, ушла в другой конец зала.

Она долго стояла у окна, глядя на то, как снег засыпает реку Мойку. Декабрь заканчивался. До Нового года оставался час. Надя представила, как в доме рядом с Андреевским собором в комнате Валерьяна сейчас светится фонарь, Валерьян в одиночестве провожает старый год и, может быть, ждет ее, Надю?!

И вдруг все здесь, в этом великолепном сверкающем зале, показалось Наде пустым и скучным; она торопливо простилась с Сашей и выбежала в метельную ночь. Следом за ней выскочил тот кавалер с усами: «Наденька, одно ваше слово! Что я могу для вас сделать?»

– Возьмите мне извозчика! – крикнула Надя.

Усатый кинулся выполнять приказание, но экипажа, как назло, поблизости не было, и Надя, махнув рукой – да к черту извозчика! – чуть не бегом бросилась на Васильевский остров через мост.

Она бежала долго, кажется, целую снежную вечность. Весь последний час декабря. Наконец вот Андреевский собор, тот самый дом...

– Надя?! – В серых глазах Валерьяна изумление.

– Я пришла! – с вызовом сообщила Надя и закашлялась. – Видишь, успела к полуночи!

– Ты вся в снегу! – сказал Валерьян и взял ее окоченевшие руки в свои ладони.

Потом он отпаивал ее горячим чаем, читал стихи и надел ей на палец кольцо с сапфиром, когда-то принадлежавшее его бабушке; потом Надя, как обещала, стала его женой.

Синее платье лежало в кресле рядом с кроватью, за окнами сыпал снег, и всю метельную новогоднюю ночь на подоконнике светился фонарь, освещая комнату волшебным светом.

* * *

– Я вот думаю, – сказал Дмитрий, – у них была довольно сложная жизнь, а они прожили ее, смеясь.

– И умерли в один день? – улыбнулась Женя.

– Почти, – кивнул Дмитрий. – Знаешь, они все время писали друг другу письма. Как мы с тобой...

– Мы перешли на «ты»?

– Мне кажется, Женя, мы были так близки в наших письмах, что переход на «ты» в нашем случае уместен, – рассмеялся Дмитрий.

– Это правда, – согласилась Женя.

– А чем это так пахнет? Я сразу почувствовал, когда вошел... Запах детства и праздника.

– Это имбирное печенье. – Женя указала на блюдо с печеньюшками. – Не знаю, такое было в твоём детстве или нет. Я предлагаю выпить чаю с печеньем.

– С удовольствием. Хотя... – Дмитрий перевел взгляд на часы, – судя по времени, пора пить шампанское. Женя, может быть, мы встретим Новый год вместе?

– Конечно! – обрадовалась Женя. – Вы... Ты... пока располагайся, а я скоро вернусь.

В соседней комнате Женя переоделась в платье, которое взяла с собой специально для новогодней ночи. Клетчатое платье в ретростиле с расклешенной юбкой, рукавами-фонариками было у Жени любимым (оно напоминало ей платье прекрасной Люси Гурченко в фильме «Карнавальная ночь»).

Захватив из кабинета подарок для Дмитрия – старую перьевую ручку, Женя вернулась в гостиную и увидела, что Дмитрий за время ее отсутствия включил телевизор, где шла, конечно, «Ирония судьбы».

Дмитрий восхищенно заметил, что Жене невероятно идет это платье. Смущенная Женя протянула Дмитрию свой подарок. Дмитрий растрогался:

– Женя, спасибо! Это действительно очень редкая ручка. Как она к тебе попала?!

Женя только улыбнулась в ответ.

Они сели за стол.

– Елка, мандарины, шампанское, «Ирония судьбы»! Американцам никогда не понять! Настоящий русский Новый год! – сказал Дмитрий. – Представляешь, я мечтал об этом несколько лет. Еще в прошлом году подумал, что хочу русского Нового года. Чтобы «Ирония» по телевизору, и много снега, и атмосфера веселого безумия в воздухе (такое ощущение, что в России в эти дни все немножко сходят с ума!). И вот я сегодня вечером шел по улицам – все веселые, пьяные, все друг друга поздравляют с «наступающим», и так от этого хорошо! А еще, Женя, в Америке я очень хотел вернуться домой. И вот теперь у меня абсолютная уверенность в том, что я дома. Спасибо тебе!

– За что? – растерялась Женя.

– За то, что ты сегодня здесь! Я приехал, а ты здесь... Это само по себе – чудо. Ну что бы я сейчас делал один в пустой квартире?! Знаешь, я эту квартиру очень люблю, но в последние годы я боялся сюда приходить... Пусто. Тихо. А с тобой сюда вернулась жизнь. Женя, я должен тебе признаться, что приехал на Новый год из-за тебя.

Замерев, Женя нервно теребила салфетку, а Дмитрий рассказывал ей о том, как одиноко ему было в Америке, как в какой-то момент общение с ней стало для него очень важным, как он ждал ее писем и как ему захотелось увидеть ее, не дожидаясь весны; прогуляться с ней по заснеженному Петербургу, увидеть город ее глазами, показать ей свои любимые места. А еще он сказал, что решил вернуться в Россию. Навсегда. «После Нового года полечу в Нью-Йорк, а в марте, когда мой контракт закончится, я приеду в Петербург».

Женя заволновалась (неужели он скоро уедет?!) и спросила Дмитрия, когда ему уезжать в Америку.

– У меня отпуск до пятнадцатого января, – сказал Дмитрий, – и, знаешь, я тут подумал... Ты так интересно описывала в письмах свой синий Урал, что мне захотелось его уви-

дочь. Представь, я там никогда не был! Давай поедем туда вместе? Скажем, в Рождество или на старый Новый год? Покажешь мне Екатеринбург, познакомишь со своей мамой?

От растерянности Женя сказала только, что на Урале сейчас очень холодно.

Дмитрий пожал плечами:

– Это ничего. Не замерзнем! – И посмотрел на Женю так, что она смутилась и засияла.

Неожиданно Дмитрий взял в руки кольцо с сапфиром, лежащее на столе среди старых писем, повертел его (камень сверкнул волшебной синевой).

– Наверное, в том, что кольцо нашлось именно теперь и нашла его ты, есть определенный знак. Все совпало.

Дмитрий взял Женину руку и надел кольцо ей на палец.

– Впору! – Он улыбнулся. – Я так и думал.

Женя почувствовала, что в ней сейчас распускается что-то прекрасное. Большое. Настоящее. И вдруг, вспомнив собственные недавние мучения при попытке определить свое самое заветное желание, Женя поняла, что на самом деле его можно было выразить одним словом. Чудо. Она мечтала о чуде. Хотела чуда. Надеялась на чудо. Потому что все мы такие разные, а хотим, в сущности, одного и того же – и сто лет назад, и сейчас, и в Петербурге, и на синем Урале. Мы живем ради чуда.

– Женя, – тихо сказал Дмитрий, – без пяти двенадцать... Открывать шампанское?

Женя взглянула на часы – последний час декабря уходил, минут оставалось на доньшке. Ей всегда казалось, что в последние минуты декабря, на самом краешке старого года, время на какой-то миг словно застывает – старое уходит, нового еще нет, и нет ни прошлого, ни будущего, и все живо, все рядом – вот они с Дмитрием встречают Новый год, а вот юная Надя спешит на свой новогодний бал.

Часы пробили полночь. Входящий в двери январь был таким белым, чистым, как рисунок мальчика Вани, и все для Жени и Дмитрия и миллионов других людей было сейчас возможно. Даже самое непостижимое чудо.

Екатерина Неволина С новым счастьем!

За окном медленно падал снег, похожий на серебряную пыльцу. Он засыпал дворы, мохнатыми шапками оседал на крышах и растопыренных еловых лапах, превращая грязный промышленный городишко в сказочное место. Закрой его стеклянным колпаком – и получишь настоящий волшебный шар, так все красиво, благолепно и... слегка ненатурально.

Нина отвернулась от окна и посмотрела на белую, глянцево поблескивающую коробочку. «Egoiste Platinum. Chanel» – значилось на упаковке. Эту туалетную воду Нина купила для Димы еще, дай бог памяти, в августе, на распродаже. Выбрала по совету продавщицы как один из самых модных ароматов и... если уж совсем начистоту, из-за скидки. Но название оказалось идеальным. Просто как для Димы придуманным. Платиновый эгоист. Идеальный эгоист в своем роде.

Коробочка празднично бликовала, отражая свет лампы. Нина тупо смотрела на нее минут пять, а потом подхватила двумя пальцами и выбросила в ведро. Но и этого оказалось недостаточно. Только когда содержимое ведра отправилось в мусоропровод, загрохотав по его бездонному зеву, она перевела дух и наконец почувствовала себя свободной.

Их отношения продолжались семь лет, напоминая стоячий, загаженный утками пруд, от которого уже давно ощутимо пованивало, и причем отнюдь не «Шанелью». Они жили бок о бок, совершенно чужие люди, каждый со своими интересами и ритмом жизни. Оглядываясь, Нина не понимала, как и, главное, зачем им удавалось сосуществовать рядом так долго?! Все-таки привычка – страшное дело. Только ленивый не прошелся по их отношениям. «Бросай его! – хором говорили родители и немногочисленные подруги. – Если он не сделал предложение в первый год, то уже и не сделает! Не видишь, что ему просто удобно: кормишь, стираешь, не мешаешь день и ночь у монитора сидеть?!»

А Нина молчала. Ей тоже было удобно. Вроде не одна. И к тому же уже... те же лет семь, вот как раз как начала жить с Димой, к ней не подходили на улице знакомиться. Как отрезало, словно у нее печать на лбу поставили. «Вышла в тираж, – с горечью думала Нина, – тридцать два – это вам не шутки». Вокруг действительно оказалось полным-полно симпатичных бойких и совсем молоденьких. Куда за ними угнаться? Как-то, втайне от Димы, Нина даже зарегистрировалась на сайте знакомств, но на второй же день удалила анкету, с удивлением обнаружив, что притягивает только придурков и фриков и опять же исключительно с одной целью.

В общем, она уже свыклась со своей жизнью и с Димкиными носками, обнаружить которые можно было в совершенно неожиданных местах, иногда даже под подушкой, к которой прижимаешься во сне щекой.

Вот только в последнее время ей вдруг стало тоскливо. И чем дальше, тем сильнее. И как раз накануне Нового года Нина внезапно поняла: все, хватит, приехали. Состоялся короткий, но темпераментный разговор с Димой, закончившийся громким хлопком входной двери. «Принца ищешь? Ну-ну, сама далеко не принцесса», – сказал он, уходя.

И воцарилась тишина. Вначале благословенная, но как-то незаметно, будто украдкой, все более напряженная, колкая.

Семь долгих лет не спустишь в мусоропровод.

Поэтому и кружила она по квартире, не находя себе места.

Город готовился к празднику. Украшался яркими гирляндами и нелепыми клубками мишуры, оседавшей на люстрах, витринах и даже наивно-кудрявых прическах продавщиц. Люди, одержимые всеобщей эйфорией, возбужденно бегали по магазинам, скупая всякий

хлам, без дела пролежавший целый год, придирчиво выбирали колбасу для оливье и традиционное шампанское, живо обсуждали фасоны праздничных платьев и давным-давно записались в парикмахерскую и на маникюр... И только Нина выпала из всеобщей суеты.

Лучшая подруга Таня, конечно, приглашала встретить Новый год вместе, но Нина отказалась: смотреть на счастливую Танину семью сейчас было как-то слишком тяжело. «Я обещала родителям», – соврала она. Но и с родителями праздновать не хотелось. Ей и так достаточно всех этих «Мы же говорили!» и «Где же теперь твой Димочка?».

И вот он ее идеальный выбор – пустая, вылизанная до отвращения квартирка, доставшаяся от бабушки. В углу комнаты – унылая искусственная елка, украшенная шарами, которые они купили с Димкой еще в первый год знакомства, когда их прудик еще поплескивался... Мишура на окне... И комок в горле, стойкое ощущение казенного, ненужного, ненастоящего.

Ловушка, в которую она себя поймала.

Завтра – последний день года. Сколько раз она в нетерпении ждала боя курантов, чтобы загадать желание, надеясь на чудо, на новую жизнь, которая непременно начнется вот сейчас... Сколько раз ощущала горечь разочарования от того, что новой жизни не наступало. Чудес не бывает. Нужно брать все в свои руки и самой строить эту самую новую жизнь.

Телефон лениво пискнул. Нина взглянула на него, подумывая, не отправить ли и его в ведро, чтобы уж действительно начать с чистого листа... но, конечно, не стала, а взяла мобильный. Таня без всяких комментариев прислала ей ссылку.

«НАДОЕЛА СКУЧНАЯ ЖИЗНЬ? ХОТИТЕ НАСТОЯЩИХ ПЕРЕМЕН? СЯДЬТЕ В ПОЕЗД», – прочитала Нина.

«Какая ерунда! Какой еще поезд?!» – подумала она с раздражением и швырнула телефон на диван... Но тут же снова схватила.

А почему бы и нет? Почему бы не встретить Новый год в поезде?! Какие у нее альтернативы? Сидение за столом с родителями? Толкучка на главной площади среди незнакомых пьяных людей? Ей же хотелось перемен – так вот они, буквально как по заказу.

Сейчас – или никогда.

Если она не решится на перемены вот в эту секунду, то так и останется одна или найдет себе нового Диму, идеальную копию прежнего, и будет бесконечно бултыхаться в подернутом ряской пруду, удивляясь, почему же у нее ничего не складывается.

Нина решительно открыла сайт заказа железнодорожных билетов. Ее не интересовала точка прибытия. Главное – чтобы ехать всю ночь. Новый год в дороге она еще не встречала. И вот место забронировано. Отправление – в семь вечера, и никакой предпраздничной маелы и возможных сюрпризов в виде Димы, как раз то, что нужно.

После этих нехитрых действий, совершенно обессиленная, она заснула.

«Я сошла с ума. Никуда я не поеду. Что я буду делать одна в этом поезде?» – думала Нина наутро, пакуя в рюкзак какие-то кофточки. И все же в нужное время она очутилась на перроне среди кучек людей, часть из которых, как и она сама, казались заблудившимися и растерянными, другие уже отмечали праздник, смеялись и дурачились...

Ее поезд стоял на дальних путях, потрепанный и облезлый, какой-то устаревший и маленький. Так и казалось, что собраты с соседних путей взирают на него с презрением и жалостью.

– С наступающим, девушка! С новым счастьем! – закричал ей проходивший мимо совсем молоденький парень.

В ее вагон ввалилась пестрая веселая компания.

«Еще не поздно вернуться, – думала Нина, протягивая старенькому смешному, будто мультяшному, проводнику распечатку электронного билета. – Ну, встречу Новый год одна,

а если Димка появится, дверь не открою. Или к Тане пойду. У нее хорошая семья, никто не даст мне понять, что я лишняя».

Она продолжала думать об этом, шагая по узкому проходу, подозрительно пахнущему нафталином. В одном из купе, где остановилась шумная компания, похоже, уже всюю праздновали.

«Да и с родителями нормально. Посидим, съедим салат и выпьем шампанского, а потом спать. Куда меня понесло?!» – спрашивала она себя, занимая место у окна в крохотном купе с дерматиновыми, заметно потертыми сиденьями.

Поезд был полупустой. Очевидно, не всем казалась привлекательной идея изменить свою жизнь, сев в новогодний поезд.

В ее купе протиснулась старушка.

– С наступающим! – громко поздоровалась она, устраивая под сиденье огромные баулы.

Ну вот. А Нине на какой-то момент вдруг подумалось, что сейчас, как в книгах, в купе войдет прекрасный незнакомец, предназначенный ей самой судьбой и, как подарок под елочку, подкинутый в новогодний поезд.

«Я дура!» – поняла Нина и вскочила, заторопившись к выходу. Она бы успела, но дорогу перегородила веселая компания из соседнего купе. Пока девушка пробиралась через них, наступая кому-то на ноги и бормоча извинения, поезд тронулся.

– Мне нужно выйти! – закричала Нина.

Сухонький проводник, похожий на старичка-лесовичка, посмотрел на нее с укоризной.

– Что же вы, молодые, шепутные такие? – покачал он головой. – Следующая остановка в двадцать два тридцать два. Тверь.

– Спасибо, – отозвалась Нина и привычно добавила: – Извините.

Можно выйти в Твери, но что делать там в половину одиннадцатого ночи, накануне Нового года? Нет, лучше остаться в поезде. Тут, по крайней мере, тепло. Соседка рано ляжет спать, если уже не спит. И она поступит так же. Просто проспит Новый год под дробный перестук колес, переживет этот праздник – и ладно.

Но соседка не спала. Напротив, вернувшись в купе, Нина увидела, что весь столик завален разнообразными яствами, а старушка все продолжала извлекать из своей, кажется, бездонной сумки-самобранки лоточки, пакетики, сверточки...

– Я Полина Семеновна. Добро пожаловать к столу. – Соседка улыбнулась и, заговорчески подмигнув, показала Нине бутылку шампанского.

«Алкоголичка! Старая алкоголичка!» – подумала девушка с ужасом, представляя, во что превратится ее новогодняя ночь. Воображение почему-то вознесло Полину Семеновну на хрупкий столик и заставило старушку отплясывать там нечто вроде гопака.

– Мы понемножечку, в честь праздника. – Старушка ловко вытащила из сумки стаканчики. Вроде пластиковые, но похожие на бокалы, даже с приставными ножками.

– Хорошо, – смирилась с неизбежным Нина.

Напиться в новогоднюю ночь в компании старушки – почему бы и нет? Может, в жизни как раз и недоставало подобного абсурда.

...А примерно через час Нина поняла, что Полина Семеновна – самый душевный человек на свете. Даже рассказы о многочисленных внуках и собственных болячках вопреки ожиданиям не казались занудными. Девушка уже всюю смеялась над описанием последнего посещения поликлиники, выходявшем в интерпретации рассказчицы как смесь детектива и комедии положений.

– Наверное, я вам наскучила, Ниночка, – выдала вдруг Полина Семеновна, прервав очередной веселый рассказ. – Все болтаю и болтаю. А вы девушка молодая и очень, очень интересная. Вам бы другую компанию.

– Что вы, – отмахнулась Нина, угощаясь отменным холодцом, принесенным старушкой в специальном лоточке. – С вами не соскучишься.

– Да ладно! – Полина Семеновна совсем по-молодому засмеялась и махнула рукой. – погоди, Ниночка, я сейчас!..

Нина осталась одна в купе и с удивлением обнаружила, что от тягостной тоски не осталось и следа. Ей было легко – даже не от выпитого полбокала шампанского, пузырящегося теперь в крови, а от какого-то странного ощущения правильности, своевременности происходящего. Выходит, ей просто нужно было сесть в этот поезд и уехать от всех своих проблем. Пусть даже на одну ночь.

– С Новым годом! С Новым годом! – в купе ввалилась молодая шумная компания.

– Ты не возражаешь, Ниночка, я позвала гостей... – Из-за спин высунулась Полина Семеновна.

Нине оставалось только мысленно аплодировать. Похоже, знакомства – еще один конек неутомной старушки.

Тут же воцарилась веселая суета. Все болтали, смеялись, чокались шампанским и передавали друг другу восхитительные пирожки из самобраной сумки.

И Нина почувствовала, что ее несет эта счастливая новогодняя волна. Ей, достаточно осторожной и малообщительной, вдруг стало хорошо среди незнакомых веселых людей, чудом набившихся в маленькое купе так, что не ощущалось дискомфорта.

После традиционной речи президента, просмотренной на чьем-то планшете, начался бой курантов.

– Ура! – закричали попутчики.

Взорвалась хлопушка, осыпая всех разноцветным конфетти... За окном проплывал какой-то городок, в темном небе вспыхивали огни салюта...

– С Новым годом! С новым счастьем!

Нина глотнула шампанского и, не удержавшись, загадала то самое новое счастье, которого так ждешь с каждым новым годом.

От шума немного кружилась голова. Все-таки достаточно с нее общества. Ей ужасно захотелось побыть одной.

Девушка протиснулась к выходу и шагнула в полутемный тамбур, чтобы подышать свежим воздухом.

– С наступившим, – послышался рядом мужской голос.

Нина вздрогнула – она и не заметила, что здесь кто-то уже есть.

– Извините, – пробормотала она, – я помешала?

– Не извиняйтесь, не нужно просить прощения за все подряд, – ответил мужчина, плохо различимый в полумраке, но, кажется, довольно молодой. – Не любите праздничную суету? Я терпеть не могу.

«Эгоист. Платинум эгоист», – подумалось Нине. Дима тоже обожал рассказывать о себе и о собственных предпочтениях.

– Я, пожалуй, пойду, – она взялась за ручку двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.